

С.О. ШМИДТ

После
75

Работы 1997–2001 годов

Москва
2012

Пушкин и Пушкинский праздник в Москве 1880 г.

Тема «Пушкин и Москва» – это и Москва в биографии Пушкина, и Пушкин в биографии Москвы. И едва ли не самым знаменательным в этой биографии после пушкинского триумфа в Москве по возвращении из ссылки 1826 г. был ставший всероссийским Пушкинский праздник 1880 г. по случаю открытия памятника поэту в Москве. Это событие стало одной из самых замечательных вех в истории культуры и общественной жизни Москвы.

В.О. Ключевский в статье-речи к пятидесятилетию со дня гибели Пушкина «Евгений Онегин и его предки» в 1887 г. нашел очень точную формулировку: «Жизнь поэта – только первая часть его биографии; другую и более важную часть составляет посмертная история его поэзии»¹. Это определение относится, конечно, ко всему творчеству Пушкина, не только к поэтическому.

Пушкин был возвращен из ссылки в сентябре 1826 г. И тогда уже было ощутимо, что к Пушкину приходит признание первого писателя России. Гибель Пушкина была воспринята как национальная трагедия и вызвала стихотворные отклики не только в Петербурге. Ныне более всего памятны стихи М.Ю. Лермонтова «Смерть Поэта», написанные в Петербурге в два приема в январе 1837 г., и сочиненное в Воронеже А.В. Кольцовым стихотворение «Лес».

В сентябре 1837 г. стихи памяти Пушкина «На смерть поэта» написал в ссылке в Пензенской губернии и Н.П. Огарев. Имя Пушкина, цитаты из пушкинских произведений – во многих сочинениях Герцена. Общественное значение произведений Пушкина охарактеризовано Герценом и в сочинении, адресованном зарубежному читателю, – в книге «О развитии революционных идей в России», вышедшей в 1851 г. на французском и немецком языках и вызвавшей немало откликов в зарубежной публицистике.

Первую биографию Пушкина написал московский знакомый Пушкина крупный историк Д.Н. Бантыш-Каменский, сын Н.Н. Бантыш-Каменского, многолетнего начальника Московского архива Коллегии иностранных дел, где позже служили сбли-

Впервые опубли.: Пушкин и Пушкинский праздник в Москве 1880 года // Пушкин и Москва / Сост., науч. ред. Н.И. Михайлова. М., 1999. С. 330–374.

жившиеся с Пушкиным «архивны юноши». Главное произведение Д.Н. Бантыш-Каменского – «Словарь достопамятных людей русской земли». В 1836 г. в Москве вышли пять его частей с 502 биографическими очерками, в 1847 г. дополнительно еще три части со 129 биографиями, и среди них биография Пушкина.

Ставший в 1841 г. академиком, историк М.П. Погодин устраивал у себя дома, в знаменитой Погодинской избе (она до сих пор сохранилась близ Девичьего поля), вплоть до своей кончины в 1875 г., своеобразные поминовения Пушкина в день его смерти: после всесемейной панихиды читали пушкинские сочинения, «передавали свои личные воспоминания». Это слова из письма присутствовавшего там П.И. Бартенева близкому другу Пушкина князю П.А. Вяземскому, который давно уже покинул Москву, но писал воспоминания и о Пушкине, и о Москве пушкинских времен.

Петр Иванович Бартенева – видный историк и археограф, основатель (1863) и бессменный редактор журнала «Русский архив», где публиковали материалы преимущественно по отечественной истории XVIII–XIX вв. и истории литературы того же времени, советчик Л.Н. Толстого при работе над художественными произведениями исторической тематики. Бартенева еще студентом Московского университета написал сочинение, в котором утверждал, что Пушкин – «поэт по преимуществу народный». Позднее Бартенева подготовил более 30 статей и публикаций, где впервые обнародовал тексты Пушкина и ввел в научный обиход множество материалов о Пушкине и его окружении. С начала 1850-х годов он стал расспрашивать людей, знавших Пушкина, записывал их рассказы и побуждал их писать воспоминания. Он познакомился с современниками Пушкина – П.В. Нащокиным, П.А. Вяземским, С.А. Соболевским, П.Я. Чаадаевым, В.Ф. Одоевским, А.О. Смирновой-Россет, А.Н. Раевским, лицеистами А.М. Горчаковым, М.А. Корфом, с детьми Пушкина. При этом он давал записанное на просмотр другим лицам, знавшим Пушкина, которые уточняли, дополняли или, напротив, опровергали данные. Такая методика «организации» источников по теме вошла в арсенал археографии – науки о выявлении, собирании, описании и публикации письменных памятников. Как правильно заметил автор книги о Бартенева А.Д. Зайцев, «деятельность Бартенева по разысканию, собиранию и изданию пушкинских материалов представляла собой в истории отечественного пушкиноведения период, так сказать, первоначального накопления данных о жиз-

ни и творчестве Пушкина, их первоначального освоения: период не столько решения, сколько постановки многочисленных вопросов, изучение которых, продолжающееся и поныне, невозможно без тщательного учета всего сделанного в этой области Бартевым»².

Конечно, о жизни и творчестве Пушкина писали не только литературоведы и историки, создававшие новую отрасль научного знания – пушкиноведение, но в еще большей мере литературные критики. И показательно, что, когда на рубеже 1850-х годов провозглашалось превосходство «сатирического» направления (называвшегося «гоголевским») над «пушкинским», а молодежь поколения Д.И. Писарева («тогдашние торопившиеся люди», как определит их позднее в «Бесах» Ф.М. Достоевский) стала заявлять о своем неприятии Пушкина, о том, что Пушкин устарел, именно воспитавшийся в московской литературно-художественной среде Аполлон Григорьев провозгласил не раз повторявшиеся с тех пор слова: «Пушкин – наше все», «Концы всего в Пушкине», «Пушкин не умрет, а будет разворачиваться все больше и больше»³. Молодой еще тогда московский писатель Л.Н. Толстой, принятый в 1859 г. в члены Общества любителей российской словесности при Московском университете, в своей вступительной речи счел необходимым высказаться в защиту Пушкина⁴.

А москвичи-эмигранты Герцен и Огарев в середине 1850-х годов в Лондоне в Вольной русской типографии публиковали запрещенные на родине произведения Пушкина. Издания лондонской типографии оказывали немалое влияние на общественное мнение и проживавших в России и показывали, что даже в революционно настроенной среде не все склонны к нигилистическим построениям в отношении пушкинского наследия, в то же время они свидетельствовали и о том, сколь односторонней является характеристика Пушкина только как монархиста.

Творчество Пушкина все прочнее входит в обиход повседневной культуры: сочинения его в программах обучения всех средних и специальных учебных заведений, в хрестоматиях для классного чтения, все чаще и в репертуаре семейного чтения вслух, причем в многодетных семьях нередко чтецами выступали старшие дети. Раннее (и зачастую любовное) восприятие сочинений Пушкина оберегало от разрушительного воздействия однолинейно мыслящих «нигилистов».

Пушкин и официально признан высоким достоянием отечественной культуры, гордостью истории России (его фигура на

памятнике «Тысячелетие России», воздвигнутом в Великом Новгороде в 1862 г.). Имя его постепенно утверждается как знаковое, как символ русской культуры. Имя Пушкина все в большей мере используют и на поприще общественно-политической деятельности, изображая его наставником, призывая его в союзники в общественно-политической борьбе. Это стало особенно ощутимо в период подготовки Пушкинского праздника в Москве в 1880 г. и еще более в момент самого праздника.

Первым предложил воздвигнуть «национальный памятник поэту» друг его В.А. Жуковский в письме императору Николаю I сразу после гибели Пушкина. В середине 1850-х годов мысль об установке памятника была высказана служащими средних чинов Министерства иностранных дел, напомнившими о том, что и сам Пушкин был служащим Коллегии иностранных дел. Но осуществлением этого намерения мы обязаны выпускникам Царскосельского лицея. Готовясь отметить в 1861 г. пятидесятилетие Лицея (называвшегося с 1843 г. Александровским и переведенного в Петербург), они предложили объявить «повсеместно» подписку на памятник Пушкину.

Предложение поддержал родственник императора принц Петр Георгиевич Ольденбургский, бывший в то время попечителем Лицея. Сын любимой сестры Александра I Екатерины, покровительницы Н.М. Карамзина, передавшей брату-императору в 1811 г. его записку «О древней и новой России», он был близким другом Александра II. Известный попечительской деятельностью в сфере культуры, поклонник творчества Пушкина (он двадцатидвухлетним еще в 1834 г. перевел на французский язык только что изданную повесть Пушкина «Пиковая дама»), принц получил согласие Александра II на установку памятника. Первоначально предполагалось поставить памятник в Царском Селе, «в бывшем лицейском саду». О начале подписки на памятник газеты оповестили в начале 1861 г. и использовали для этого государственный аппарат. Но темпы подписки, заметные в начале 1860-х годов, постепенно снижались: это были годы влияния сторонников взглядов Д.И. Писарева, призывавшего к «низвержению» Пушкина и других литературных авторитетов прошлого, навязываемых, по их мнению, читающей публике.

На традиционном лицейском обеде 19 октября 1870 г. (встрече окончивших Царскосельский лицей) знаменитый филолог и педагог академик Я.К. Грот – лицеист VI курса, окончивший Лицей с золотой медалью в 1832 г., возобновил вопрос о памят-

нике. Его поддержали другие лицеисты. Из них в феврале 1871 г. был создан комитет в составе семи человек (в их числе и лицеисты первого, пушкинского, выпуска М.А. Корф и Ф.Ф. Матюшкин), главой которого согласился быть принц Петр Ольденбургский. Возобновилась и подписка. Для братьев Гротов (младший, лицеист VII курса, принимал заметное участие в осуществлении реформ 1860-х годов, в 1870 г. он был членом Государственного совета) и лицеистов ранних выпусков Пушкин был символом «лицейского культа». Собираясь на обеды и вечера воспоминаний, они неизменно читали стихи Пушкина. Среди принимавших участие во встречах был и М.Е. Салтыков (переведенный в Лицей в 1838 г. из Московского дворянского института), уже широко известный как писатель Н. Щедрин.

В новом комитете полагали, что «избранием удобнейшего для памятника места обуславливается и самый успех подписки». И по предложению адмирала Ф.Ф. Матюшкина избрали местом его установки Москву. Думается, что Матюшкин, один из ближайших лицейских друзей Пушкина, проведший, как и он, детство в Москве, понимал (и учитывал) не только значение Пушкина для Москвы, но и значение Москвы для Пушкина. Я.К. Грот в «Историческом очерке сооружения памятника Пушкину» – докладе в зале Московской городской думы в первый день Пушкинского праздника – сказал: «Нельзя было не согласиться с Матюшкиным, что постройка памятника Пушкину в Москве, где беспрестанно толпятся, сменяясь, уроженцы всех стран России, особенно была бы способна придать ему значение вполне народного достояния».

По «всеподаннейшему докладу» принца Ольденбургского император, согласно с ходатайством комитета, 20 марта 1871 г. повелел, «чтобы памятник Пушкину поставлен был не в Царском Селе, как прежде указано было, а в Москве, месте рождения поэта, где монумент его получит вполне национальное значение».

(Не будем забывать того, что главным наставником-воспитателем царя в юные годы был друг Пушкина Жуковский, а словесность ему преподавал тоже друг Пушкина, которому тот посвятил «Евгения Онегина», П.А. Плетнев. Предполагалось серьезное знакомство цесаревича с русской литературой.)

Надлежало выбрать место в Москве, где «всего приличнее воздвигнуть памятник». Я.К. Грот в конце 1871 г. поехал в Москву «для совещания с наиболее интересующимися делом местными жителями»⁵. До этого Я.К. Грот вел переписку с П.И. Бартевым

и о месте, пригодном для памятника, и о самом проекте. Изучая этот вопрос, нужно учитывать особенности взаимоотношений видных государственных и общественных деятелей столицы с московскими жителями и взаимоотношения группировок общест-венности в Москве. Большую роль играли личные взаимосвязи и симпатии. Существенным оказалось то, что старший из Гротов, академик Яков Карлович, приобретает в 1864 г. имение в Рязанской губернии, где стал проводить летние месяцы, по пути туда и об-ратно неизменно останавливался в Москве, поддерживая и рас-ширяя свои знакомства с московскими литераторами и учеными. Он был тесно связан со Славянским благотворительным обще-ством в Москве и с его руководителями, а младший его брат Кон-стантин имел давнее знакомство с видными государственными и общественными деятелями, которым обязаны реформами 1860-х годов (князем В.А. Черкасским и другими).

Имело значение и то, что в Москве всем этим занялся Павел Иванович Миллер. Сын генерала суворовских времен, лицеист VI курса (как и Я.К. Грот), он боготворил Пушкина и почитал себя счастливым знакомством с ним в последние петербургские годы его жизни. В 1833–1844 гг. Миллер служил личным секре-тарем шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа, через которого осу-ществлялся надзор царя за Пушкиным. Миллер – что выясни-лось уже после его кончины (он умер в 1885 г.) – не только был адресатом писем Пушкина, но и помогал его друзьям сформиро-вать сразу после его гибели правдивый комплекс документов о причине дуэли, сохранял у себя автографы Пушкина, изъятые из бумаг шефа жандармов, оставил воспоминания о встречах с Пушкиным, о его смерти. И при жизни поэта он оказывал ему немалые услуги, не давая хода опасным для него документам. Записку свою о гибели Пушкина (написанную не ранее 1852 г.) он начинает словами: «Некоторые подробности смерти Пушкы-на останутся навсегда интересными для тех, кто обожал его как поэта и любил как человека». Не сделав большой карьеры, Мил-лер вышел в отставку статским советником и камер-юнкером и поселился в Москве⁶.

Совещание конца 1871 г. с участием Я.К. Грота проходило в доме князя В.А. Черкасского, который в 1869–1870 гг. был москов-ским городским головой и покинул этот пост из-за недовольства при дворе его заявлением о необходимости продолжения реформ: «простора мнению и печатному слову». Присутствовали новый городской голова купец-миллионер И.А. Лямин, М.П. Погодин и

П.И. Бартенев, общественные деятели, авторитетнейшие не только в Москве: М.Н. Катков – издатель газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник», начавший уже отходить от прежних либеральных позиций, идеологи славянофильства И.С. Аксаков (связанный не только с литературными, но и с финансовыми кругами), Ю.Ф. Самарин (видный историк и философ был в то время гласным Московской городской думы и Московского земского собрания) и П.И. Миллер (на которого, очевидно, и намерены были возложить организацию работ по оформлению подписки на памятник).

В 1872 г. комитет объявил восьмимесячный конкурс, предлагавший российским ваятелям представить модели обеих частей памятника – и статуи, и пьедестала. В марте 1873 г. в Петербурге выставили 15 моделей. Ни одну не признали удовлетворяющей требованиям и, отметив пять лучших работ, объявили новый конкурс. В марте 1874 г. были представлены уже 19 моделей. Трех отметили премией, а двум скульпторам предложили изготовить модели в увеличенном размере. В мае 1875 г. эксперты (среди них был художник И.Н. Крамской) и комитет признали лучшей работу Александра Михайловича Опекушина, изображавшую фигуру размышляющего Пушкина на прогулке и лишенную каких-либо аллегорических украшений, полагая, что она соединяет «в себе с простотой, непринужденностью и спокойствием позы тип, наиболее подходящий к характеру наружности поэта». Конкурсы широко обсуждались в обществе – это отражено и в художественной литературе: в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (пятая глава седьмой части). Архитектором скульптор пригласил уроженца Москвы И.С. Богомолова. Бронзовую статую отлили на заводе в Петербурге. Подрядчиком каменных работ был И.С. Баринов. Как отмечено Я.К. Гротом, «наблюдение за работами и извещение комитета о ходе их» принял на себя постоянно живший в Москве П.И. Миллер.

В газетах было оповещено о возобновлении пожертвований, и они стали сообщать о постепенном приращении суммы, переданной новому комитету при начале его деятельности. В итоге ко времени открытия памятника даже остались деньги, которые по предложению Я.К. Грота использовали для учреждения Пушкинской премии Академии наук за сочинения по изящной словесности и изыскания по русскому языку и литературе (первое присуждение премии состоялось в день лицейской годовщины – 19 октября 1882 г.).

А.М. Опекушин родился крепостным в Ярославской губернии. Учился в Академии художеств, был привлечен М.О. Микешиным к работе над многофигурными памятниками «Тысячелетие России» в Новгороде и Екатерины Великой в Петербурге. В 1872 г. Опекушин «за портретные статуи» получил звание академика. После Пушкинского праздника установлены его работы: в 1884 г. памятник Пушкину в Петербурге на Новой улице, примыкающей к Невскому проспекту, недалеко от Московского вокзала (фигура стоящего Пушкина со скрещенными на груди руками гораздо менее выразительна, чем фигура московского памятника); в 1899 г. памятник Лермонтову в Пятигорске; снесенные позднее памятники императорам в Москве – Александру II в Кремле, Александру III возле храма Христа Спасителя. Московский памятник Пушкину остался вершиной творчества Опекушина. В многотомной «Истории русского искусства» верно отмечено: памятник «так прочно вошел в наше сознание, что образ Пушкина уже невольно ассоциируется с произведением Опекушина»⁷.

К тому времени местом памятника уже определили Страстную площадь (ныне называемую Пушкинской). Предстояло сделать выбор между Тверским бульваром и территорией подле Страстного женского монастыря (в 1930-х годах постройки его были разобраны; ныне на этом месте сквер, куда в 1949–1950 гг. перенесли памятник Пушкину, и кинотеатр). Справедливо предпочли место в конце Тверского бульвара: монумент был виден еще в начале пути по самому любимому и парадному месту прогулок москвичей, и силуэт его по мере движения от Никитских ворот становился все отчетливее, формировал определенный настрой мысли. Расположение среди зелени бульвара придавало памятнику интимность, делало возможным побыть с Пушкиным наедине (этот стиль и подобное восприятие учитывал скульптор Н.А. Андреев, создавая к 1909 г. проект памятника Гоголю и планируя его расположение на той же бульварной линии, у Арбатской площади). Памятник не парадный, не рассчитанный на обозрение с большого расстояния, как знаменитые петербургские памятники Екатерине II в сквере, на фоне театра, и Медный всадник. И потому перенесенный на другое место, да еще на открытую площадку, в шуме людском, обтекаемый потоками машин, памятник Пушкину уже не во всем дает представление о первоначальном замысле.

Выбор Страстной площади свидетельствует и о знакомстве с биографией и творчеством Пушкина (Пушкин жил и бывал недалеко отсюда, это и описанная им дорога Лариных по приезде

в Москву в седьмой главе «Евгения Онегина»), и о несомненно благожелательном отношении к затеянному делу и светских, и церковных властей Москвы: Тверская – главная улица Москвы, дорога из Петербурга, вблизи резиденция генерал-губернатора (Тверская, дом 13, где и сейчас в перестроенном здании резиденция мэра Москвы), рядом Страстной монастырь, большой колокол которого в пасхальную ночь первым откликнулся на благовест большого Успенского колокола колокольни Ивана Великого в Кремле, давая тем сигнал к началу праздничного звона всех московских колоколен. Это встретило поддержку и московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова, и митрополита Московского и Коломенского Иннокентия, и поныне одного из самых почитаемых православных пастырей, знаменитого просветителя алеутов и восточносибирских народов – тех самых «диких» тунгусов, о приобщении которых к российской словесности думал Пушкин, создавая стихотворение «Я памятник себе воздвиг...» (и слова эти – на пьедестале памятника).

Подготовка к открытию памятника Пушкину в Москве – значительная страница в истории и общественной жизни, и литературы и искусства, и науки и педагогики, и, конечно же, в истории Москвы. В Москве впервые воздвигался памятник не государственному деятелю или полководцу, но человеку, знаменитому свершенным им на ниве культуры, притом памятник, сооруженный по предложению общественности и в значительной мере на собранные пожертвования. Никогда подобное событие не вызывало столь широкого, всероссийского резонанса в печати. Важно и то, что благодаря открытию памятника Пушкину в Москве в те же начальные дни июня чествования памяти Пушкина состоялись в Петербурге (а также в Царском Селе) и в других городах Российской империи, хотя это и нельзя было приурочить к какой-либо юбилейной дате. Московский Пушкинский праздник стал всероссийским, и информация об этом событии (обычно достаточно пространная, с перепечаткой некоторых речей и материалов московских и петербургских газет) появилась в очень многих провинциальных периодических изданиях. Это возвышало и роль Пушкина, и роль Москвы в истории и развитии отечественной и мировой культуры.

Казалось бы, в желании осуществить этот замысел объединились все – и императорский двор, и министерства, и Академия наук, и высшие учебные заведения, и духовенство, и общественность разного толка, и пресса разных направлений. Но при этом

преследовались цели не только увековечения памяти великого человека, воспитания общественного сознания, особенно молодежи, Пушкиным, расширения сферы воздействия культуры на общество во всей огромной стране, но и борьбы общественно-политических («партийных») взглядов и тенденций.

Изучая эти явления, следует иметь в виду и обстоятельства общероссийской жизни, и то, что было характерно именно для московского общества тех лет. Рубеж 1870–1880-х годов – время революционной ситуации, беспрецедентной активности террористических организаций, обострения взаимоотношений в высших эшелонах власти, в правительственных и придворных группировках, противоборства столичной бюрократии и провинциальной общественности – земств, а также волнующей заинтересованности в судьбах южнославянских народов на Балканах. Московская общественность была тогда в своей значительной части оппозиционно настроена по отношению к правительству: в Москве осели (подобно «екатерининским орлам» на рубеже XVIII и XIX столетий) отставленные от дел реформаторы 1860-х годов и начали уже интенсивную общественную деятельность будущие идеологи – основатели кадетской партии (прежде всего «молодая профессура» университета). В то же время революционеры-террористы концентрировались уже в столице. В Москве же в большей мере, чем в чиновно-дворянском Петербурге, выявилась роль «купцов» (предпринимателей-фабрикантов, торговцев, банкиров, принадлежавших к купеческим гильдиям) в общественной жизни и становилось все заметнее их место в культурной элите города: уже с середины XIX в. можно говорить о династиях меценатов из среды московских капиталистов.

И московская общественность, и московские власти были заинтересованы в том, чтобы город первого в России университета оставался всероссийским средоточием общественной жизни и особенно сохранения и пропаганды историко-культурного наследия отечества. Это четко прослеживаемое направление деятельности московских властей в период правления Александра II – и губернатора, и городских голов, и городской думы – направление, поддерживаемое, видимо, и самим императором.

В 1861 г. в Москву из Петербурга перевели Румянцевский музей, ставший основой нынешней Российской государственной библиотеки. П.М. Третьяков поставил перед собою цель создать художественную национальную галерею. Возникшее в 1864 г. Московское археологическое общество начало организовывать все-

российские археологические съезды (первый состоялся в 1869 г.). В 1870-х годах началось строительство Политехнического и Исторического музеев. В 1872 г. торжественно отмечали двухсотлетие со дня рождения Петра Великого. Именно Москва становилась средоточием Пушкинских торжеств.

Предполагалось приурочить открытие памятника в связи с восьмидесятилетием со дня рождения Пушкина в 1879 г. к лицейской годовщине 19 октября. Однако работы по сооружению памятника задержались, и датой его открытия утвердили день рождения Пушкина – 26 мая 1880 г.

Первоначально предполагали, что Пушкинские торжества будут напоминать те, которые устраивались Обществом любителей российской словесности (далее – ОЛРС) к другим юбилейным датам. Но постепенно представление о предстоящем Пушкинском празднестве обретало все большую масштабность. И склонилось к тому, чтобы праздник напоминал организацию больших торжеств в память великих писателей в странах Западной Европы, традиция которых восходит к организации шекспировского юбилея в 1769 г. в Англии, где главным устроителем был великий актер Дэвид Гаррик.

Избранная ОЛРС комиссия для организации торжеств начала свою деятельность с заседания 11 апреля 1880 г. Она состояла из девяти членов. Председателем ее избрали Л.И. Поливанова – педагога и историка литературы. Членом был председатель ОЛРС С.А. Юрьев, популярный в те годы литературный деятель, переводчик драм испанских авторов и Шекспира, публицист (редактор журнала «Беседа» в 1870-е годы, в 1880 г. основал журнал «Русская мысль»), мастер спичей и увлекательный собеседник. Он воспринимался как могикинин литературы и общественной мысли 1840-х годов, когда спорили славянофилы и западники. Терпимость и широта взглядов делали его симпатичным широкому кругу лиц. О Юрьеве писали, что он принадлежал к числу тех литературных деятелей, которые оказывают влияние на современников не столько литературной деятельностью, сколько личностью. Другие члены – П.И. Бартнев, директор Оружейной палаты Н.С. Чаев, секретарь ОЛРС, литератор и религиозный мыслитель Н.П. Аксаков, педагог и литератор П.Е. Басистов (в то время заведовал московскими думскими школами, много сделал для совершенствования их программ, особенно по русскому языку и литературе), поэт-переводчик и издатель юмористического журнала Ф.Б. Миллер (самый старший по возрасту) и его

сын Всеволод Федорович, уже признанный видным представителем московской этнографической школы, знаток древнерусских былин и «Слова о полку Игореве», востоковед и археолог, ставший впоследствии академиком. Он вместе с самым молодым членом комиссии М.М. Ковалевским издавал тогда «Критическое обозрение» – журнал научной критики и библиографии в области гуманитарных наук. Максим Максимович Ковалевский, крупнейший социолог, правовед, историк, тогда играл ведущую роль в группе так называемой молодой профессуры (биолог К.А. Тимирязев, физик А.Г. Столетов, экономисты А.И. Чупров и И.И. Янжул, юрист С.А. Муромцев и другие). Любопытно, что в 1880 г. Ковалевский жил в доме В.Ф. Миллера, домовладение которого по «Адрес-календарю» 1880 г. – «у св. Харитония что в Огородниках», т. е. в местности, где родился Пушкин.

Главным организатором подготовки к празднику, душой всего дела был Лев Иванович Поливанов (1838–1899) – педагог-просветитель, автор многочисленных, неоднократно переиздававшихся учебных пособий и хрестоматий и большой книги о В.А. Жуковском. Он подготовил комментированные издания сочинений русских классиков для школьного и семейного чтения (в 1887 г. – пятитомное издание сочинений Пушкина и статей о нем), переводил драмы Мольера, Корнеля и других французских писателей, организовал в 1870-е годы. шекспировский кружок, ставивший на сцене, иногда впервые в России, драмы английского драматурга. Выпускник Московского университета, он основал в 1868 г. совместно с группой педагогов первую частную мужскую гимназию, известную как Поливановская. В 1875 г. ее выпускники получили права окончивших государственную гимназию. Там он преподавал не только русский язык и словесность, но и латинский язык и другие предметы. Обладавший особым импровизационным даром («великий артист в обличье педагога»), высокий, стремительный, с горящими глазами и свисавшей до плеч гривой волос, он стал предметом обожания учеников (хотя есть и негативные отзывы в воспоминаниях главы первого Временного правительства князя Г.Е. Львова).

В Поливановской гимназии учились дети интеллигентных семей, аристократии, культурных коммерсантов и не только из Приарбатья, но и из более далеких кварталов – Валерий Брюсов добирался сюда с Цветного бульвара. В гимназии был культ Пушкина. Сам директор мастерски читал его стихи. Сын Л.Н. Толстого Лев писал сразу после кончины Поливанова: «Кто из нас не

помнит, с какой любовью, с каким пониманием Л.И., может быть, в сотый раз в жизни, но все с той же свежестью чувства читал перед нами какое-нибудь стихотворение Пушкина?» По словам Андрея Белого (Бориса Бугаева, сына профессора Московского университета), «его требования рассказать не от себя, а от Пушкина, по Пушкину были апелляцией к процессу вашего вживания в стиль Пушкина». Позднее Андрей Белый напишет: «Скажу с гордостью: я ученик класса словесности Поливанова, и как воспитанник “Бугаев”, и как “Андрей Белый”»⁸. Педагоги и ученики Поливановской гимназии участвовали в организации юбилейных мероприятий, а участники торжеств посещали гимназию. В день двадцатипятилетия гимназии в 1893 г. Поливанов отмечал, что «это дало возможность многим нашим воспитанникам быть особенно воодушевленными слушателями всех корифеев русской литературы недавнего времени».

Открытие памятника Пушкину было намечено на день его рождения. Таким образом, на подготовку праздника оставалось всего полтора месяца. Комиссия разработала детальную программу (в протоколах заседаний комиссии по несколько десятков постановлений): устройство Пушкинской выставки, публичные заседания ОЛРС с выступлениями знаменитых современных писателей и ученых, литературно-музыкальные вечера при участии артистов императорских театров, петербургских и московских. Учитывалось и то, что ожидается торжественное собрание в университете. Ответственность за организацию музыкальной части взял на себя знаменитый пианист, основатель и директор Московской консерватории Н.Г. Рубинштейн; театральной части – И.В. Самарин, ведущий актер Малого театра, педагог-руководитель драматического отделения Московской консерватории; художественно-декоративной части – К.А. Трутовский, плодовитый живописец-жанрист, академик Академии художеств (тогда был инспектором Московского училища живописи, ваяния и зодчества).

Составлялись списки приглашаемых на торжества лиц, учреждений, общественных объединений, рассылались приглашения, откликались на многочисленные, со всех концов России, просьбы о присутствии на празднествах. Необходимо было обеспечить размещение лиц, приглашенных персонально, и депутатов от различных учреждений и организаций (почетным гостям предоставили бесплатные номера в лучших гостиницах). Средоточием этой деятельности стала Поливановская гимназия, где была квартира Поливанова: там получали входные билеты в храм

Страстного монастыря к заупокойной обедне, пропуска на Страстную площадь, билеты на утренние заседания (бесплатные), на литературно-музыкальные вечера, по желанию – и на подписной торжественный обед. Обязанностью Поливанова и его помощников сделалась колоссальная переписка. Некоторым зарубежным писателям от имени ОЛРС писал И.С. Тургенев, тоже введенный в состав юбилейной комиссии. Деятельное участие в подготовке праздника принимал писатель Алексей Феофилактович Писемский. На его адрес приходили письма писателей, желавших принять участие в торжествах. Туда же «почти каждый день» приезжали съехавшиеся в Москву многие «приятели и знакомые». Об этом мы узнаем из его письма от 20 мая 1880 г.: «Я лично весь поглощен предстоящим празднованием открытия памятника Пушкину. Это, положила руку на сердце, могу сказать, мой праздник, и такого уж еще у меня больше в жизни не повторится...» Подготовлены были к празднику изящные знамена белого, красного и синего цвета, обшитые золотой бахромой с золотыми кистями. Под знаменами укреплялись инициалы Пушкина – А. П., а по полотну серебряными буквами были изображены названия обществ и учреждений. С этими знаменами делегации должны были находиться на площади в день открытия памятника.

В Поливановской гимназии сосредоточивались и экспонаты готовящейся Пушкинской выставки. В короткий срок удалось собрать необычайно много. Это и произведения изобразительного искусства, и книги, и рукописи, и траурная карточка – приглашенный билет на похороны Пушкина, и вещественные мемории. В здание на Пречистенке доставили изображения Пушкина, его предков, родных, знакомых и самые знаменитые портреты – 1827 г. московской работы В.А. Тропинина, петербургской работы О.А. Кипренского, посмертную маску Пушкина, альбомы с рисунками и текстами, начертанными рукою Пушкина, автографы сочинений Пушкина, вещи, принадлежавшие Пушкину, перстень с изумрудом, оставленный В.И. Далю умиравшим на его руках Пушкиным (перстень дала дочь великого лексикографа), а кольцо с сердоликом, подаренное поэту графиней Е.К. Воронцовой и послужившее поводом к написанию стихотворения «Талисман», поступило на выставку от И.С. Тургенева. Там же были издания и переиздания сочинений Пушкина, иллюстрации к ним, изображения мест, где он бывал. Все это зафиксировано в сводной описи и нашло отражение в иллюстрированном альбоме, вышедшем в 1882 г. с предисловием и под редакцией Поливанова и с биографи-

ческим очерком о Пушкине, составленным писателем А.А. Венкстерном (Венкштерном), выпускником Поливановской гимназии. Ценность издания и в том, что часть экспонатов выставки не дошла до наших дней. А музейно-методическое значение выставки велико не только в плане пушкиноведения. Это один из первых опытов тематической выставки находящегося в частных собраниях. (При организации С.П. Дягилевым выставки русских портретов в 1905 г. в Петербурге опирались на опыт Поливанова и его сподвижников.)

С 25 по 28 мая предполагалось провести публичные заседания с выступлениями корифеев современной литературы. Уже известно было, кто из виднейших писателей примет личное участие в торжествах. Выступить пригласили И.А. Гончарова, Я.П. Полонского, М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина), Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.А. Фета, Ф.М. Достоевского. Список приглашенных был опубликован в газетах. Гончаров не мог присутствовать из-за нездоровья, его трогательное письмо зачитали на торжествах.

Гончарова надеялись видеть почетным председателем на обеде 6 июня в Петербурге, но по болезни он вынужден был покинуть столицу и прислал письмо организаторам праздника, где разъяснил: «Не случись невзгоды со мною, я счел бы святою своей обязанностью, без всяких напоминаний, у подножия памятника в Москве, вместе с другими писателями, поклониться памяти нашего общего великого образца и учителя в искусстве, и моего особенно. Объясню последние два слова. Я по летам своим старше всех современных писателей; принадлежу к лучшей поре расцветания пушкинского гения, когда он так обаятельно действовал на общество, особенно на молодое поколение. Старики еще ворчали и косились на него, тогда как мы все падали на колени перед ним». И потом, когда Гончаров почувствовал себя писателем, «чувство к Пушкину оставалось то же».

Салтыков-Щедрин тоже не приехал из Петербурга. Но не только по нездоровью (он действительно был болен), но и из-за явного нежелания публично участвовать в выражении общественных позиций. Он, безусловно, понимал великое значение творчества Пушкина (и это зафиксировано в его сочинениях), но великий сатирик предчувствовал, что праздник в память поэта превратится в демонстрацию позиций общественных группировок. Самые видные представители их, Тургенев и Достоевский, не сходясь между собою во взглядах, не приемлют позиции его «Отечественных записок», где ведущую роль играл тогда

публицист-народник Н.К. Михайловский, и не вызывают симпатии у него самого. (Вскоре он назовет торжество «не Пушкинским, а Тургенева и Достоевского»⁹.)

Придерживавшийся совсем иных, более правых, общественных взглядов, Фет тоже отказался приехать, сославшись на нездоровье, но прислал стихи «К памятнику Пушкину», где отрицательно отнесся к общественному возбуждению, вызванному праздником, «где гам и теснота. / Где здравый смысл примолк, как сирота». Стихи не стали читать публично.

Сложнее обстояло дело с Л.Н. Толстым, для приглашения которого Тургенев специально ездил в Ясную Поляну в начале мая, но безуспешно. Толстой напомнил об этом в 1908 г., когда объяснил, почему не дает согласия на празднование собственного восьмидесятилетия. В предназначавшемся для публикации в газетах письме Толстой заявил: «Как ни дорог и мил мне был тогда Тургенев, как я ни дорожил и высоко ценил (и ценю) гений Пушкина, я отказывался; знал, что огорчал Тургенева, но не мог сделать иначе, потому что и тогда уже такого рода чествования мне представлялись чем-то неестественным и не скажу ложным, но не отвечающим моим душевным требованиям»¹⁰. Удалившемуся в ту пору от публичной жизни, сосредоточившемуся в Ясной Поляне на своих размышлениях великому писателю внутренне непреодолимо тяжелым казалось участие в Пушкинском празднике, обязывающее к подготовке публичного выступления, к общению с широкой публикой и прессой.

И дело в его душевном состоянии, а не в общественно-политической конъюнктуре, как старались объяснить это и публицисты – современники событий и некоторые литературоведы последующего времени. Ведь именно в эти годы Толстым формулируются основы его религиозно-нравственной философии, идеи отказа от принадлежности к тому сословному кругу, к которому принадлежали и он сам, и Пушкин. Это время создания таких произведений, как «Исповедь», «Исследование догматического богословия», «Соединение и перевод четырех Евангелий». Делиться волнующими его мыслями, публично демонстрировать состояние своей души перед участниками торжеств он не считал возможным, так же как отделаться общего характера приветственными, оценочного плана словоизлияниями. Скорее это знак уважения к Пушкину, нежелание вмешивать его бессмертное имя в рассуждения, касавшиеся общественных проблем сегодняшнего дня.

Уже готовились к перевозке материалов Пушкинской выставки в здание Дворянского собрания, рассылали приглашения, утверждали порядок дня заседаний и программы литературно-музыкальных вечеров, как пришло известие о кончине тяжело болевшей императрицы Марии Александровны. Из Петербурга поступило высочайшее повеление отложить Пушкинские торжества. Согласно газетным сообщениям и слухам, предполагалось отодвинуть время открытия памятника (уже воздвигнутого на пьедестале и крытого полотнищем) до лицейской годовщины 19 октября или даже на год. Наступили волнительные дни, пока не установили близкую дату – 6 июня (18 июня по новому стилю). Таким образом, появилась возможность осуществить намеченную программу теми же силами.

В Москве собрались все дети Пушкина: Мария Александровна Гартунг – вдова генерал-майора, Александр Александрович – командир Нарвского гусарского полка, прославившийся как один из героев Русско-турецкой войны (впоследствии председатель Московского присутствия Опекунского совета), Григорий Александрович – статский советник в отставке, проживавший тогда в Михайловском, Наталия Александровна, своей красотой напоминавшая мать, она к тому времени имела титул графини Меренберг, была в морганатическом браке с немецким принцем, находившимся в родстве с английским королевским домом.

В Москву приехали и принц Петр Георгиевич Ольденбургский, академик Я.К. Грот, много лиц из Петербурга и других мест. Депутаций было 106 (включая московские), депутатов – 244 человека. Среди них видные литераторы, ученые, музыканты, артисты, общественные деятели (большинство имен названо в книге «Венок на памятник Пушкину», с. 165–169). Живую заинтересованность в празднике проявляли широкая московская общественность, студенчество. Показательно поведение знаменитого ученого-биолога и прогрессивного общественного деятеля К.А. Тимирязева – профессора университета и Петровской земледельческой и лесной академии (ныне Сельскохозяйственная академия носит имя этого ученого). Как профессор академии, он перенес на другое время назначенный по расписанию экзамен по ботанике. Когда один из его коллег-профессоров возмутился, заявив, что это «совершенно постороннее дело, скорее имеющее значение удовольствия», Тимирязев парировал: «Было бы комично пускаться здесь в рассуждения о значении Пушкинского праздни-

ка. [...] Я поступил так, как поступил бы каждый грамотный русский человек, который имел бы на то возможность».

Московское торжество открылось в два часа пополудни 5 июня публичным заседанием высочайше утвержденного комитета по сооружению памятника под председательством принца Ольденбургского в присутствии московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова. Оно происходило в большом зале заседания Московской городской думы (тогда это был дворец Шереметевых на Воздвиженке, дом 6, ныне он во дворе здания бывшей Кремлевской больницы). В зале водрузили бюст Пушкина, декорированный цветами. Там находились члены комитета, родные Пушкина, высокопоставленные лица и московский городской голова Сергей Михайлович Третьяков – видный предприниматель, младший брат основателя Третьяковской галереи, крупнейшего в мире музея русского искусства, сам тоже коллекционер, особенно французской живописи XIX в., и «приглашенные лица обоего пола из именитых обывателей первопрестольной столицы».

Прием депутации происходил таким образом. Все депутаты собрались в соседнем зале, и член распорядительной городской комиссии вызывал их по имевшемуся у него списку. Фамилия распорядителя – Плевако. Видимо, это знаменитый московский адвокат и оратор Федор Никифорович Плевако, окончивший юридический факультет Московского университета и в молодые годы занимавшийся и научной работой. Приветствия были сначала от представителей дворянства. Это были: петербургский предводитель дворянства граф А.А. Бобринский, известный своими трудами по археологии юга России, впоследствии председатель императорской Археологической комиссии, вице-президент Академии художеств, видный политический деятель начала XX в.; московский предводитель дворянства; уездные предводители дворянства Московской губернии (от Московского уезда – в будущем крупный земский и политический деятель предреволюционных лет Д.Н. Шипов). Затем приветствовали от университетов, академий, научных обществ, специальных и средних учебных заведений: от ОЛРС – его председатель С.А. Юрьев, Л.И. Поливанов и В.Н. Кашперов, композитор, основатель Общества хорового пения (писавший на эту тему); от Общества истории древностей российских – его председатель знаменитый историк Москвы и археолог И.Е. Забелин; от московского Археологического общества – основатель и научный руководитель Исторического музея археолог граф А.С. Уваров и секретарь общества В.Е. Румянцев,

виднейший знаток начальной истории книгопечатания; от Общества любителей древней письменности – его основатель князь П.П. Вяземский, сын друга Пушкина, Павлуша, к которому поэт обращался со стихами. Используя богатый архив отца, он подготовил к печати в 1880 г. три книги о Пушкине с публикацией автографов Пушкина. От Московского общества испытателей природы выступил его председатель, старейший профессор-ботаник университета А.Г. Фишер фон Вальдгейм, который, вероятно, встречался с Пушкиным; от Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии – его президент профессор Г.Е. Шуrowsкий, основатель московской геологической школы, составивший сводку данных о геологии Московского края, видный популяризатор научных знаний; от Математического общества – профессор университета Н.В. Бугаев, математик и философ, отец писателя Андрея Белого (родившегося в тот год); от Петербургского университета – виднейший исследователь истории российской словесности и академик Академии наук М.И. Сухомлинов и востоковед В.Д. Смирнов, автор ценных трудов по истории Крыма, Турции и взаимоотношений с ними России (он дожил до Октябрьской революции и много сделал для включения памятников на восточных языках в планы издательства «Всемирной литературы»); от Казанского университета – профессор-юрист С.М. Шпилевский, автор исследований по археологии и истории Казанского края; от Дерптского университета – профессор П.А. Висковатый, начавший уже тогда составление ставшего классическим исследования «М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество», автор либретто оперы Н.Г. Рубинштейна «Демон». От Публичной библиотеки в Петербурге делегатом был библиотекарь ее юридического отдела, видный писатель и философ Н.Н. Страхов; от Румянцевского музея – В.А. Дашков, этнограф, меценат, коллекционер, А.Е. Викторов, хранитель отдела рукописей и старопечатных книг музея, выдающийся исследователь этих памятников, Е.Ф. Корш – последний видный деятель из окружения молодого Герцена, литератор, издатель, один из руководителей музея, трудам которого мы обязаны систематизацией и описанием книжных фондов его библиотеки. Московскую духовную академию представляли крупнейший специалист по литургике (науки о христианском церковном богослужении, его песнопениях) и церковной археологии Восточной Европы И.Д. Мансветов и знаменитый позднее историк русской церкви и ее взаимоотношений с православным Востоком Н.Ф. Каптерев.

Показательно, что среди депутатов были профессора, особо проявившие себя как общественные деятели, авторы трудов, написанных и для средней школы: профессор университета математик А.Ю. Давидов, один из учредителей Московского математического общества, взявший на себя обязанности инспектора над частными учебными заведениями, автор много раз переиздававшихся школьных учебников «Элементарная геометрия», «Начальная алгебра», «Руководство по арифметике», «Геометрия для уездных училищ», «Начальная тригонометрия»; молодой тогда профессор В.Д. Шервинский, терапевт и патолог (был затем многолетним председателем Московского терапевтического общества, а уже в 1920-е годы организатором Института экспериментальной эндокринологии); профессор Петровской академии В.Т. Собичевский, крупнейший организатор работы лесных обществ, вузов и музеев по лесоводству. Известна и выдающаяся научная и общественная деятельность не названных в перечне депутатов – и упоминавшегося уже К.А. Тимирязева, и историка западноевропейской литературы Алексея Николаевича Веселовского (брата знаменитого филолога академика Александра Веселовского), в статьях того времени развивавшего мысль о том, что с Пушкиным русская литература утвердилась как часть мировой культуры.

Особое внимание обратили на себя две депутации, соединившиеся в одну: от Петербургского и Московского юридических обществ. Представителем от Петербурга был председатель Окружного суда, известный своими прогрессивными взглядами (в 1878 г. суд под его председательством вынес оправдательный приговор по делу Веры Засулич) знаменитый судебный оратор и писатель А.Ф. Кони (оставивший затем воспоминания о Пушкинском празднике) и от Москвы – Анна Михайловна Евреинова, председатель одного из отделений общества, первая из русских женщин, получившая за границей ученую степень доктора права (в Лейпцигском университете), известная своими научными трудами. «Появление дамы в качестве депутата от специального ученого общества – явление, во всяком случае, характерное», – отмечается в издании «Венок на памятник Пушкину». Среди депутатов от Московской консерватории были Н.Г. Рубинштейн, выдающийся композитор С.И. Танеев, Н.Д. Кашкин, друг и биограф П.И. Чайковского, музыковед, историк русской музыки, немало писавший о музыкальных произведениях на пушкинские сюжеты. От петербургских императорских театров (помимо тех, кто был участником концертов) прибыли Ф.А. Бурдин, известный автор

переводов и переделок иностранных пьес, друг А.Н. Островского, мастерски исполнявший характерные роли в его драмах, и популярный тогда актер и режиссер А.А. Нильский – первый постановщик трагедии А.К. Толстого «Смерть Ивана Грозного», написанной в духе исторических представлений Карамзина, столь близких Пушкину.

Из Петербурга (от Петербургской консерватории и Петербургского отделения Музыкального общества) приехали не только профессор П.А. Зиновьев – пианист, композитор, музыкальный критик (составивший в 1888 г. «Биографический словарь современных русских музыкальных деятелей») и Л.В. Сакетти, впоследствии известный историк музыки, – но также и председатель Литфонда В.П. Гаевский, видный литературный критик и историк литературы, автор многих трудов о Пушкине (выпускник Лицея 1845 г., он с особым интересом изучал тему «Пушкин и Лицей»). Депутатом от артистов и музыкантов провинциальных театров был В.Н. Андреев-Бурлак, популярный актер, режиссер, писатель, в 1880 г. один из руководителей открытого актрисой А.А. Бренко первого в Москве частного театра, вскоре, по приезде в помещение близ памятника Пушкину, получившего название Пушкинского. Известный московский пейзажист А.А. Киселев был депутатом от Общества любителей художеств, а довершавший строительство храма Христа Спасителя помощник К.А. Тона А.И. Резанов – депутатом от Академии художеств, где он был ректором отделения архитектуры.

Представлялись депутаты от множества обществ: Московского общества университетских воспитанников, Московского юридического общества, Российского общества любителей садоводства, Московского общества для содействия русскому торговому мореходству, Русского общества акклиматизации животных и растений, правления Московского еврейского общества, Русского хорового общества, Общества распространителей технических знаний и др.

В заключение шли депутации от Литературного фонда, журналов, газет. Среди них был и старейший журналист А.А. Краевский, помогавший Пушкину в подготовке к печати журнала «Современник», и видный педагог и редактор педагогических журналов В.П. Острогорский, и знаменитый сотрудник журнала «Отечественные записки» Г.З. Елисеев, один из виднейших публицистов рубежа 1850–1860-х годов, и крупнейший писатель-народник Г.И. Успенский. Депутатами считались и вид-

нейшие писатели и журналисты. Общество для пособий нуждающимся литераторам и ученым, так называемый Литфонд, представляли В.П. Гаевский, А.А. Краевский и такие знаменитые тогда писатели, как Д.В. Григорович и А.А. Потехин, и даже И.С. Тургенев. Ф.М. Достоевский был депутатом от Славянского благотворительного общества. Поэт, переводчик, автор переложенного на музыку А.С. Даргомыжским стихотворения «Он был титулярный советник», сатирик, писавший под псевдонимом «Гейне из Тамбова», П.И. Вейнберг (ставший затем почетным академиком) был депутатом от Петербургских женских курсов и гимназий ведомства императрицы Марии. Крупнейший очеркист-этнограф, очень много сделавший для изучения народного быта и фольклора, С.В. Максимов представлял «Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства». Один из самых читаемых тогда литераторов, изображавших быт, писатель-юморист Н.А. Лейкин представлял «Петербургскую газету»; публицист и историк Г.А. Джаншиев (написавший позднее книги об «эпохе великих реформ» Александра II) – газету «Русские ведомости»; публицист и историк В.И. Михневич – петербургские «Новости» (его корреспонденции из Москвы 1880 г. выделялись полной информацией); П.А. Гайдебуров – газету «Неделя». Среди депутатов «Русского вестника» были широко известные тогда как публицисты профессор физики Н.А. Любимов, прозаик В.П. Ключников. И.Ф. Василевский (выступавший под псевдонимом Буква), которого А.П. Чехов считал первым фельетонистом тех лет, представлял петербургские издания «Стрекоза» и «Молва» и одесский «Новороссийский телеграф». Не названный в числе депутатов зять А.А. Краевского В.А. Бильбасов числился корреспондентом фактически редактируемой им петербургской умеренно либеральной газеты «Голос», но был тогда уже и профессором всеобщей истории. Позднее он написал первые тома задуманного им биографического исследования «История Екатерины II». От газеты «Новое время» депутатами были А.С. Суворин и В.П. Буренин – именами этих широко известных журналистов завершается «Список депутатов от разных учреждений и обществ при открытии памятника Пушкину», напечатанный в книге «Венок на памятник Пушкину».

В этом списке далеко не все знаменитости, участвовавшие в празднествах. А мы знаем, что они присутствовали и на заседаниях, и на обеде, как, например, В.Д. Поленов, мастерскую которого посетил в те дни Тургенев. Художник подарил ему один из этюдов-вариантов широко известного жанрового пейзажа

«Московский дворик». Это все лица, о которых помещены статьи в многообразных энциклопедических и других справочных изданиях, в незавершенном пока многотомном биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917». Ознакомление с их жизнью и творчеством интересно в плане не только пушкиноведения, но и истории москвоведения, изучения истории.

Все говорили очень коротко. Потом Я.К. Грот ознакомил присутствовавших с приветствиями из России и из-за рубежа и сделал сообщение об истории создания памятника Пушкину.

В день открытия памятника, 6 июня, к десяти часам назначили съезд в Страстной монастырь. На площадь между монастырем и памятником допускались по билетам только принимавшие участие в торжестве. Дорога через монастырский двор в соборный храм была усыпана зеленью и живыми цветами. Обедню служил митрополит Московский Макарий (Булгаков), знаменитый ученый (академик с 1854 г.), богослов, оратор, автор классического труда многотомной «Истории русской церкви» (которую он сумел довести до середины XVII века). Митрополит начал словами: «И сотвори ему вечную память. Ныне светлый праздник русской поэзии и отечественного слова». Он подчеркнул, что мы «чествуем не только величайшего поэта, но и поэта нашего народа. [...] Мы воздвигли памятник нашему великому народному поэту потому, что еще прежде он сам воздвиг себе “памятник нерукотворный” в своих бессмертных созданиях, и в этом памятнике воздвиг памятник и для нас, для всей России, который никогда не потеряет для нее своей цены и к которому потом “не зарастет народная тропа”. К нему будут приходить отдаленные потомки, как приходим мы и как приходили современники». Кончил он пожеланием «от лица всей земли русской, да посылает ей Господь еще и еще гениальных людей и великих деятелей – не на литературном только, но и на всех поприщах общественного и государственного служения!» Речь митрополита Макария напечатали во многих московских, петербургских и провинциальных периодических изданиях, особенно церковных, в «Чтениях для солдат» и т. п.

Служба, молебствие и панихида длились около двух часов. В это время собирались депутаты и толпы народа. С раннего утра накрапывал дождик, но перед началом богослужения погода разяснилась. Кругом памятника красовались гирлянды из зелени и на белых щитах названия пушкинских произведений. Депутации разместились у флагов (красных, белых, синих) с наименованием приславших их учреждений или обществ, публика – на амфитеа-

трах, воздвигнутых вокруг памятника. У церкви Дмитрия Солунского (на углу Тверской, ближе к центру, там теперь высокий дом) соорудили эстраду, покрытую красным сукном, где должна была произойти церемония передачи памятника Москве. За канатами, в окнах и на крышах ближних домов – множество людей. При звуках гимна «Коль славен» (оркестром и хором дирижировал Н.Г. Рубинштейн) вступили на эстраду участники церемонии: члены Пушкинского комитета, московский генерал-губернатор, городской голова, высокопоставленные лица. Из Петербурга прибыли важные сановники Министерства народного просвещения, статс-секретарь А.А. Сабуров (он тоже закончил Александровский лицей), статс-секретарь Д.М. Сольский (их в начале XX в. изобразит в полной парадной форме И.Е. Репин на своей громадной картине «Заседание Государственного совета»), Ф.Д. Корнилов, лицеист, член, как и Грот, Пушкинского комитета. На эстраде – и родные Пушкина. Корнилов от имени комитета произнес несколько слов, основной смысл которых во фразе: «Ныне, представляя на суд России оконченный сооружением памятник, комитет счастлив, что вверяет охранение этого народного достоинства заботливости городского управления древнепрестольной Москвы златоверхой».

Тотчас сняли веревки с пелены из парусины, окутывавшей памятник. Она заколебалась под ветром, спала сперва к ногам статуи, потом на землю. Писатель Г.И. Успенский, корреспондент которого в журнале «Отечественные записки» о празднике имеют настороженно-критическую направленность, об этом моменте писал явно с душевным волнением: «...упала скрывавшая памятник поэта холстина, и перед всеми собравшимися на площади зрителями явился простой, умный, с внимательным, умным взором, образ Пушкина, и все, кто ни был тут, пережили не подлежащее описанию, поистине “чудное мгновение” горячей радости, осиявшей сердце всей толпы». А.Ф. Писемский писал об опекушинском Пушкине: «Он на пьедестале своем не окаменел, а как бы двинуться хочет...»

На пьедестале были высечены слова из стихотворения «Я памятник себе воздвиг...», но с подмененной уже при первом, посмертном, 1841 г., издании строчкой: вместо «Что в мой жестокий век восславил я свободу» тогда написали «Что прелестью живой стихов я был полезен». Пушкинский текст (впервые опубликованный П.И. Бартевым в 1881 г.) появился на памятнике в 1937 г.

За первой минутой оцепенения грянуло «ура», долго перекатывавшееся по площади, овации. Вслед за тем Корнилов прочел акт, подписанный присутствовавшими членами комитета принцем Ольденбургским, Гротом и им, о передаче памятника в ведение Москвы. Городской голова С.М. Третьяков благодарил от лица Московской городской думы, заявив: «Приняв памятник этот в свое владение, Москва будет хранить его как драгоценнейшее народное достояние, и да воодушевляет изображение великого поэта нас и грядущие поколения на все доброе, честное, славное!» Высокопоставленные лица и члены семьи Пушкина обошли памятник, и началось возложение венков, которых образовалась целая гора. Этот момент запечатлен в карандашных набросках корреспондента журнала «Всемирная иллюстрация» Николая Чехова – брата великого писателя, затем – в широко тиражированных рисунках других художников.

Г.И. Успенский, тонко чувствовавший воздействие памятников искусства (напомним его описание впечатлений от Венеры Милосской в парижском Лувре), так писал тогда о «том истинно новом и многозначительном, что внушала ему фигура Пушкина»: «Ново было именно это думающее доброе лицо, новое было торжество во имя человека, который и славен только работою своей мысли. ... Эта дума, эта мысль, не сходящая с лица поэта, который удостоился быть увековеченным потому только, что “пробуждал чувства добрые”, – вот что ужасно ново, поучительно; а для народа, который непременно будет узнавать, за что и почему воздвигнут этот памятник, кто этот человек, что за достоинство “пробуждать добрые чувства” и т. д., для народа, который вчера еще смотрел на эту статую, как на идола, для него, если не сейчас, то впереди, статуя Пушкина будет иметь значение – без преувеличения – огромное...»

Участники церемониала торопились на торжественный акт в университет, а толпа кинулась разбирать на память листья и цветы с венков. Акт с двух часов пополудни начался в Большом зале университета в присутствии родных Пушкина и высокопоставленных лиц, представителей от всех депутатий. Хоры заняли студенты. Открывший заседание ректор университета Н.С. Тихонравов объявил об избрании университетом своими почетными членами академика Я.К. Грота (за разработку истории русской литературы XVIII–XIX вв.), П.В. Анненкова (за издание собрания сочинений Пушкина и собрание материалов для его биографии и о литературном движении 1830–1840-х гг.) и писателя И.С. Турген-

нева, «обогадившего русскую литературу великими художественными произведениями». Присутствующие рукоплесканиями одобрили это решение, приветствовали родных Пушкина. Очевидец В.Н. Любимов вспоминал, как после слов ректора, что Пушкина особо трогало, когда потомков чествовали за заслуги предков, «весь совет профессоров, сидевших на эстраде, а за ними и вся зала, как один человек, встала со своих мест и, обратившись в сторону Пушкиных, разразилась долго несмолкавшими рукоплесканиями», и «Пушкины страшно смутились...».

Тихонравов в своей речи характеризовал роль Пушкина в развитии нашей литературы, взаимосвязь его творчества с предшественниками и писателями последующего времени («без него Гоголь не мог бы явиться»), особо отметив заслуги Белинского в оценке сделанного Пушкиным.

После него выступил преемник недавно скончавшегося С.М. Соловьева по кафедре русской истории В.О. Ключевский. Отметив, что Пушкин – «наиболее выразительный образ» истории своего времени, Ключевский попытался объяснить значение написанного им и для историографии. Он сознательно обошел сочинения с историческими сюжетами («Борис Годунов», «Полтава», «Медный всадник»), так как «эстетическое наслаждение оставляет здесь слишком мало места для исторической критики». Он сосредоточился на сочинениях, важных при познании истории XVIII – начала XIX в. («Арап Петра Великого», «Капитанская дочка», «Дубровский»), тем более что Пушкин «вырос среди живых преданий и свежих легенд XVIII века». Ключевский рассматривал пушкинских героев как «коллекцию художественно-исторических портретов», т. е. как типологические исторические образы, раскладывая их «по историческим витринам». «Пушкин был историком там, где не думал быть им», и в «Капитанской дочке» «больше истории, чем в “Истории Пугачевского бунта”, которая кажется длинным объяснительным приращением к роману».

Для некоторых (особенно приезжих) выступление Ключевского было знакомством с великим историком-оратором. Его профессорский лекционный курс русской истории приходили слушать студенты других факультетов и сторонняя публика. Вот образчик характеристики князя Верейского из «Дубровского»: «Это – настоящее создание екатерининской эпохи, цветок, выросший на почве закона о вольности дворянства и обрызганный каплями росы вольтерьянского просвещения. ... Подобными

ему людьми до скуки переполняется русское общество с конца царствования Екатерины. За границей они растрчивали богатый дедовский и отцовский запас нервов и звонкой наличности и возвращались в Россию платить долги». Или о типологии образа Троекурова: «“Троекуровы” родились при Елизавете, процветали в столице, дурили по захолустьям при Екатерине II, но посеяны они еще при Аннах. Это – миниатюрные провинциальные пародии временщиков столицы, которых превосходно характеризовал граф Н. Панин, назвав “припадочными людьми”». Касается Ключевский и образа «недоросля» Гринева, и Онегина, который – «лицо столько же историческое, сколько поэтическое». И завершает выводом: «Пушкин – не мемуарист и не историк, но для историка большая находка, когда он между собой и мемуаристом встречает художника». В этой речи – и важная в научно-методологическом и учебном планах постановка вопроса о произведениях художественной литературы как источнике изучения изображаемой эпохи, причем в ее повседневности, а не в событийном плане, и завязь будущих блистательных эссе Ключевского «“Недоросль” Фонвизина. (Опыт исторического объяснения учебной пьесы)» и «Евгений Онегин и его предки». Итак, для некоторых ученых подготовка выступления в дни Пушкинского праздника стала стимулом для дальнейшей творческой деятельности.

О Пушкине и его отношении к зарубежной литературе говорил профессор по кафедре иностранной литературы Н.И. Стороженок, всемирно признанный шекспировед, а в Москве хорошо известный как хозяин гостеприимного салона, где собирались и маститые, и начинающие преподаватели университета и писатели. Торжественный акт окончился в четыре часа.

А в шестом часу приглашенные лица съехались уже в здание российского Благородного собрания (нынешний адрес: Охотный ряд, дом 2) на обед, устроенный московским городским обществом депутациям, прибывшим в Москву на открытие памятника Пушкину. Главными гостями были дети и внуки Пушкина. Присутствовали более 200 человек обоего пола (в числе гостей – московский гражданский губернатор В.С. Перфильев, близкий приятель Л.Н. Толстого, которого признают одним из прототипов Стивы Облонского в «Анне Карениной»). Принца Ольденбургского и московского генерал-губернатора в зале не было, и главные первые тосты произнес А.А. Сабуров. С.М. Третьяков высказал радость Москвы, получившей возможность приветствовать членов семьи Пушкина. Старший сын Пушкина Александр Александрович

вич по полномочию всех своих родных выразил признательность москвичам за гостеприимство и радушие.

После того Иван Сергеевич Аксаков, видный публицист славянофильского направления, издатель и общественный деятель, зять великого поэта Ф.И. Тютчева, произнес речь о Пушкине как о поэте, познакомившем Европу с Россией, воплотившем «народность и просвещение» и объединившем именно в Москве представителей умственного развития России, закончив так: «От имени Москвы, по уполномочию ее представителей, подымаю бокал не в память от нас отшедшего, но во славу не умирающего, вечно живущего среди нас поэта!»

Вслед за Аксаковым встал влиятельный публицист и издатель, преподававший ранее в университете, Михаил Никифорович Катков (в 1867 г. Катков стал одним из основателей московского лица цесаревича Николая, называемого обычно Катковским лицеем, – сохранившееся здание его на углу улицы Остоженки и Крымской площади). Идеолог либерализма 1850–1860-х годов, Катков постепенно все более эволюционировал вправо, и к тому времени либералы (и в Москве, и в Петербурге, и за рубежом) были его антагонистами. В изящной, продуманной речи, произнесенной тихим голосом, Катков говорил о примирении «партий», о настоящей минуте, особенно удобной для примирения, так как «на празднике Пушкина, перед его памятником, собрались лица разных мнений, быть может, несогласных, быть может, неприязненных. Верно, однако, то, что все собрались добровольно и, стало быть, с искренним желанием почтить дорогую всем память». Он кончил строфами «Вакхической песни» Пушкина. Но когда он протянул бокал, чтобы чокнуться с сидевшим напротив Тургеневым, тот прикрыл свой бокал рукой. Ему, многолетнему знакомому Каткова, популярнейший тогда издатель и публицист, отошедший от общих для них либеральных идей 1840-х годов, казался воплощением того, что препятствовало прогрессу. В письме к поэту А.А. Фету в 1874 г. он характеризовал Каткова как «самого гадкого и вредного человека на Руси», а Катков в изданиях своих не скупился поносить новые романы Тургенева¹¹.

Об этом эпизоде тогда особенно много говорили и писали, отмечая и то, что организаторы заседаний ОЛРС демонстративно не послали Каткову приглашительного билета. Это убеждало в том, что почитание Пушкина оказывается недостаточным для пресечения общественно-политических распрей. Выступавший вслед за Катковым епископ Дмитровский и первый московский викарий

Амвросий (Ключарев) (основатель московского ежемесячного журнала «Душеспасительное чтение») говорил о потаенном желании Пушкина, чтобы русские менее подражали Западу, провозгласил тост за объединение русских в своих воззрениях.

Эффектно начал свою речь петербургский губернский предводитель дворянства граф А.А. Бобринский: «...легко говорится, когда предвидишь, что за сказанною речью последует несмолкаемое ура!» Он предложил «выпить за здоровье представителей великой Москвы, любезных наших хозяев!» Академик Я.К. Грот передал сожаление оставшихся в живых двух лицейских товарищей Пушкина – канцлера светлейшего князя А.М. Горчакова и С.Д. Комовского, что они не могут лично присутствовать на этом торжестве. Приехавший из столицы А.Н. Майков прочитал стихотворение, написанное ко дню открытия памятника. Он приветствовал Пушкина

...как предтечу
Тех чудес, что, может быть,
Нам в расцвете нашем полным
Суждено еще явить.

Предложил изящный тост за русскую литературу М.М. Ковалевский, несколько слов сказал В.Н. Кашперов, а преподаватель историко-филологического факультета Московского университета Н.П. Некрасов произнес речь о педагогической стороне деятельности Пушкина. В заключение С.М. Третьяков зачитал полученные телеграммы – среди них от городских голов больших городов.

Завершился день музыкальным и драматическим вечером в переполненном главном зале Благородного собрания. Под управлением Н.Г. Рубинштейна были исполнены увертюры к операм на пушкинские сюжеты – к «Руслану и Людмиле» М.И. Глинки и «Русалке» А.С. Даргомыжского. Была показана сцена вторая из «Скупого рыцаря» в исполнении И.В. Самарина и актеров Малого театра, прослушан отрывок из оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин». В роли Татьяны выступила М.И. Климентова, замечательная певица (супруга профессора-юриста С.А. Муромцева, в будущем председателя Первой государственной думы). Она была душой кружка молодой профессуры и часто исполняла в гостиных романы на слова Пушкина. В вокальной части участвовали и солисты Мариинского театра: М.Д. Каменская, исполнительница главных партий меццо-сопрано, и И.А. Мельников, низкий бари-

тон, знаменитый как исполнитель партий в операх на пушкинские сюжеты (Руслан, Мельник, Борис Годунов). Особое впечатление произвело то, что стихи Пушкина читали П.В. Анненков, Ф.М. Достоевский (монолог Пимена из «Бориса Годунова»), Д.В. Григорович, А.Н. Островский, А.Ф. Писемский, А.А. Потехин, И.С. Тургенев (на бис читал стихи 1835 г. «Последняя туча рассеянной бури...»).

В заключение был «апофеоз». На небольшой сцене стоял бюст Пушкина, окруженный зеленью и освещенный электричеством. Писатели и артисты, участники вечера, поочередно проходили мимо бюста и клали к подножию его венки под звуки торжественного марша. А в здании Политехнического музея в тот же день были народные чтения: рассказ о жизни Пушкина, отрывки из «Полтавы» с комментарием, хор певчих.

Второй день Пушкинского праздника открылся заседанием Общества любителей российской словесности, начавшимся в час дня в переполненном большом зале Благородного собрания. На авансцене – высокая кафедра, сзади ее – бюст Пушкина, вокруг него венки, кругом гирлянды из лавра. Перед сценой эстрада, покрытая красным сукном, где поместились все присутствовавшие члены ОЛРС. Первым взошел на кафедру председатель ОЛРС С.А. Юрьев. Его официальная речь отличалась изяществом стиля и содержала постановку важных проблем познания творчества Пушкина, отношения его к «седой старине» и реформам Петра Великого, восприятия нравственного идеала простого русского народа, со дна души которого он поднял образ старца Пимена, чувства «музыки народной и русской души» и через это – восприятия явлений зарубежной культуры, слияния общечеловеческого с природой русского духа в поэтическом синтезе. «Пушкин стоял на рубеже двух периодов развития русской жизни, когда государственная сила была поднята на высоту. Сказались результаты реформ Петра, но и ощущалась «ужасная бездна внутреннего нестроения». Далее цитировались призывные стихи об освобождении от крепостного ига с надеждой на приход «прекрасной зари» свободы просвещенной. Оратор перешел к «Борису Годунову», в котором «русский человек впервые явился в нашей литературе таким, каков он есть», а Пушкин с тех пор «погрузился в изучение русской жизни». «Изучаем ли мы Пушкина? – спрашивал Юрьев. – Не прикладываем ли к гиганту коротенькие мерки наших узких взглядов, страстные требования минуты? ... Да будет иначе! ... Не угашайте духа!» В этих кажущихся ныне общими словами – явный

отзвук настроений тех дней, когда имя Пушкина использовали (быть может, и не всегда осознанно) для выражения современных общественно-политических ощущений и установлений, и опасение того, что это выявится и в праздничные пушкинские дни.

Представитель Французской республики Луи Леже, профессор-славист, много сделавший для ознакомления Европы с языком, фольклором и литературой России и славянских народов, прочитал свой текст по-русски (хотя с сильным акцентом), чем пленил публику. Он сказал о возрастающей известности имени Пушкина во Франции сравнительно с именами других знаменитых писателей последнего столетия. Академик М.И. Сухомлинов попытался охарактеризовать взгляды Пушкина на поэзию, на долг и достоинство поэта, передать ощущение нравственного значения поэзии Пушкина для современника. Закончил он тем, что девизом русских университетов могут быть слова Пушкина: «На поприще ума нельзя нам отступать». Казанский профессор С.М. Шпилевский в короткой красивой речи, напомнив о стихотворении «Я памятник себе воздвиг», заметил, что сближение центра России с окраиной, ознакомление их жителей с Пушкиным расширяет область его вечной славы.

Затем секретарь ОЛРС сообщил о письмах и телеграммах, пришедших от иностранных писателей (Б. Ауэрбаха, В. Гюго, А. Теннисона). На имя Тургенева из-за рубежа ОЛРС получило поздравление от берлинского профессора В. Ягича (в 1881 г. знаменитого слависта, хорвата по происхождению, изберут российским академиком). Пришли поздравления от общественных объединений славянских стран, а также от Киевского и Харьковского университетов, от учителей народных школ и др. После чего было прочитано переданное Леже письмо французского министра просвещения о награждении академическими отличиями Франции С.А. Юрьева, Н.С. Тихонравова и Н.Г. Рубинштейна.

Академик Я.К. Грот выступил, по существу, с докладом на тему «Личность Пушкина», где ставился вопрос об особенностях развития его психологии, о возрастных изменениях склонностей, отношения к общественно-политическим явлениям и к собственным обязанностям, об устойчивых душевных качествах и об изменении в его умонастроении в последние годы жизни. Поэт Я.П. Полонский прочитал стихотворение «На памятник Пушкину». Л.И. Поливанов сообщил перечень учреждений и лиц, принесших на заседание венки (их было 40): от обществ естествознания, любителей художеств и др., от военных гимназий, частных

гимназий (в том числе от преподавателей и воспитанников гимназии Поливанова), от редакций периодических изданий, от Московского архива Министерства иностранных дел и др.

Наконец, на кафедре появился Иван Сергеевич Тургенев. Когда в ОЛРС составляли план организации торжеств, вырабатывали программы публичных заседаний, то осознали, что для широкой публики наиболее притягательны имена двух приезжих в Москву великих современных писателей – Тургенева и Достоевского. Учитывали, вероятно, и то, что юные годы их обоих, как и Пушкина, связаны с Москвой и они могут испытывать ностальгию, возникающую в связи и с безвременным уходом из жизни их великого старшего современника, и со встречей с городом детства. Знали и то, что у этих писателей, прижизненно признанных классиками, нет близких взаимоотношений, а общественно-политические и культурно-религиозные их взгляды несходны. Поэтому задумано было так, чтобы они выступили не в один день. И рассчитывали на то, что выступления именно Тургенева и Достоевского станут событием каждого из публичных заседаний.

Тургенев с начала 1860-х годов жил за границей, и не только из-за романа со знаменитой певицей Полиной Виардо (кстати, сочинившей музыку к 15 романсам на слова Пушкина), но и из-за неприятия политической и культурной атмосферы в России, приостановки политики реформ. Влияние на русское общество его новых сочинений уменьшалось (при том что именно Тургенев был самым популярным тогда русским автором на Западе). Однако в 1879 г., когда он на короткое время приехал в Россию (у него умер брат), Тургенев снова оказался в центре общественного внимания, возможно из-за нового политического кризиса, когда стали вызывать симпатии и его умеренно-либеральные взгляды, и сочувственное изображение в романе 1877 г. «Новь» революционеров-народников. В его честь устраивали заседания, обеды, встречи со студенческой молодежью, убеждали его возвратиться в Россию. Следя за событиями в России, он так формулировал свои представления: «Оттепель наступила сильная»¹² (распространившийся после повести 1956 г. И.Г. Эренбурга с таким названием термин восходит к Тургеневу). Тургенев желал, чтобы Пушкинский праздник стал в какой-то мере и повторением «либеральных демонстраций» предыдущего года, но более масштабным и с участием корифеев литературы. Об этой тенденции Тургенева и лиц его окружения (М.М. Ковалевский и другие), конечно, знали и те, кто придерживался иных позиций, прежде всего более

правых, близких к взглядам К.П. Победоносцева. А так называемая широкая публика ожидала в этой связи столкновения мнений в дни Пушкинских торжеств.

Речь Тургенева была посвящена и проблемам биографии Пушкина, и определению его места в мировой литературе и общественной жизни России (в прошлом, в настоящем и в будущем), и общественным проблемам современности. По существу, главной темой выступления была тема «Пушкин и современность», во всяком случае так казалось современникам, переживавшим в те дни ощущения, вызываемые тем, что политологи определяют словом «революционная ситуация».

Начал писатель со слов о значении сооружения памятника, собравшего всех любящих Пушкина, затем обосновал мысль, что только искусство дает физиономию народу и способно пережить сам народ. Характеризуя восприятие Пушкиным и западноевропейской культуры, и народного обихода, он утверждал, что «поэтический дар Пушкина освободился от подражания европейским образцам и не подделывался под народный», ибо второе так же бесплодно, как преклонение перед авторитетами. Сравнивая великого русского поэта с великими писателями Западной Европы, Тургенев ссылаясь на отличительную особенность Пушкина, отмеченную пропагандистом его творчества, французским писателем Мериме: «Ваша поэзия ищет прежде всего правды, а красота является сама собою». Иван Сергеевич подчеркнул, что на долю Пушкина выпало сразу две работы – установить язык и создать литературу.

Особое внимание Тургенев уделил объяснению того, почему последующие поколения охладели к так ценимому современниками Пушкину, объясняя это особенностями общественного развития. В период сосредоточения усилий на борьбе с крепостным правом было не до художественности, и поэтов стала вдохновлять муза мести и печали. Он подчеркнул (особенно в напечатанном позднее тексте) значение общественных взглядов Белинского и его роль в формировании оценки пушкинского наследия, сказал, что теперь, после реформ нового царствования, общество возвращается к Пушкину. Писатель закончил словами о памятнике: «Сияй же и гласи народу русскому о праве его называться великим народом! Пускай у памятника Пушкину остановится всякий и скажет, что ему он обязан свободой, свободой нравственной. Пускай сыновья народа будут сознательно произносить имя Пушкина, чтоб оно не было в устах пустым звуком и чтобы каждый,

читая на памятнике надпись “Пушкину”, думал, что она значит – “учителю” ...»

После вызвавшей громкие аплодисменты впечатляющей речи Тургенева пресным показалось чтение писателем А.Ф. Писемским сообщения об отражении исторических взглядов Пушкина в «Капитанской дочке». Хотя это было новым словом в пушкиноведении, публика собралась не для размышлений научного плана.

В тот же день был парадный складчинный обед, устроенный ОЛРС. Обедало 223 человека. Обеденное меню украшала виньетка работы Трутовского со строками Пушкина:

Подыдем стаканы, содвинем их разом:
Да здравствуют музы, да здравствует разум!

Обед, в отличие от думского, был без обстановочной роскоши и высокопоставленных лиц. Из тех, кто не принадлежал к миру литературы, науки и искусства, были только специально приглашенный городской голова С.М. Третьяков и некоторые провинциальные депутаты от земств и дворянства. Но это было застолье интеллигенции, праздник беседы, напоминавший встречи 1840-х годов. Тосты были и общие, и частные – за императора, за семью Пушкиных, за живых еще лицейских товарищей Пушкина (им, по предложению П.В. Анненкова, послали телеграммы). С.А. Юрьев предложил тост за Францию, «первой провозгласившей всемирное братство и сделавшей первый шаг к нему», и за ее представителя. В ответ прозвучал тост профессора Леже. Потом были тосты за депутатов (Поливанов), за славянские общества (Гиляров-Платонов), в память усопших и за здоровье живущих товарищей Пушкина (Тургенев), за переводчиков Пушкина (Басистов), за скульптора Опекушина (Грот), за композитора М.П. Мусоргского – творца оперы «Борис Годунов» (Бурдин).

Особое впечатление произвел спич писателя Александра Николаевича Островского. Великий драматург произнес речь не меньшего значения, чем речи двух других великих писателей – Тургенева и Достоевского. Его рассуждения, не имевшие налета сиюминутных общественно-политических воцелений и антипатий, в наибольшей мере остаются востребованными и нашими современниками. Вероятно, мудрый писатель понимал, что слово для вечности уместнее было произнести не перед широкой публичкой любопытствующих, а в среде собратьев по перу и «говорить не как человек ученый, а как человек убежденный»: «Мои убеждения слагались не для обнаружения, а только про себя, так ска-

зять, для собственного употребления; при мне бы они и остались, если бы не подошел этот радостный праздник». Доверительное, без изысков формы слово Островского («от полноты обрадованной души») – это урок восприятия и Пушкина, и литературы вообще как учителей жизни и радости жизни.

«Первая заслуга великого поэта в том, – сформулировал Островский, – что через него умнеет все, что может поумнеть». Пушкин дает не только наслаждение от «форм для выражения мыслей и чувств», но и от «самой формулы мыслей и чувств»; «богатые результаты совершеннейшей умственной лаборатории делаются общим достоянием. ... Поэт ведет за собой публику ... всякому хочется возвышенно мыслить и чувствовать вместе с ним».

«Пушкиным восхищались и умнели, восхищаются и умнеют». И наша литература обязана именно ему умственным ростом. Однако «этот прыжок был не так заметен» современникам Пушкина, которые, признавая его великим поэтом, считали своими учителями людей предшествовавшего ему поколения («он казался им еще молод и не довольно солиден»). А следующее за Пушкиным поколение, «воспитанное исключительно Пушкиным», уже ощущало это и осознавало, что русская литература, которую Пушкин «застал ... в период ее молодости», на одном человеке выросла на целое столетие. Пушкин «дал серьезность, поднял тон и значение литературы, воспитал вкус в публике, завоевал ее и подготовил для будущих литераторов, читателей и ценителей».

Еще более важным и значительным для развития нашей литературы Островский считал «другое благоденствие» Пушкина. До Пушкина «наша литература была подражательной» в выборе тематики и в следовании «условным приемам», и «прочное начало освобождению нашей мысли положено Пушкиным»: «он захотел быть оригинальным и был – был самим собой».

Как всякий великий писатель, он «оставил за собой школу последователей», Пушкин «завещал им искренность, самобытность, завещал каждому русскому писателю быть русским» и «раскрыл русскую душу». Желая России больше новых талантов, «русскому уму поболее развития, простора», Островский предложил тост за русскую литературу, которая пошла и идет по пути, указанному Пушкиным: «Выпьем весело за литературную семью Пушкина, за русских литераторов! Выпьем очень весело этот тост. Нынче на нашей улице праздник!»

В этой по-человечески очень искренней, одновременно глубокой и простодушной речи много ценных наблюдений соб-

ственно историко-методологического порядка для историков литературы и культуры, и жаль, что эти мысли Островского редко приводятся в их трудах.

8 июня ознаменовалось вторым торжественным заседанием ОЛРС. Очевидец (Д.Н. Любимов) вспоминал, как выглядело Дворянское собрание в тот день: «Все места были заняты блестящею и нарядною публикою», «вход был по розданным даровым билетам», в зале же по особым приглашениям – родные Пушкина, почетные гости, представители литературы, науки, искусства и все, что было в Москве выдающегося, заметного, так называемая «вся Москва»; рядом с дворянством именитое купечество, владельцы мануфактур, адвокатский мир, а вокруг зала «целое море голов преимущественно учащейся молодежи, занимающее все пространство между колоннами, а также обширные хоры».

Заседание открылось речью Н.С. Чаева. В малосодержательной декламации с цитатами из произведений Пушкина и напоминаниями о фольклорных мотивах, о близости с Мицкевичем (который тоже зашел «в заповедную глубь славянского духа») основное внимание было уделено обоснованию мысли, что Пушкин – «богатырь», сумевший, благодаря исключительности своего дарования, внести народный российский элемент в офрануженную свою среду и ее литературу для чтения (начиная с «Руслана и Людмилы»). Положение молодого Пушкина в литературе сравнивалось с положением воспетого им Гвидона, который без чьей-либо помощи в бочке «вышиб дно и вышел вон».

Наконец настало время выступления Федора Михайловича Достоевского, который находился тогда в зените прижизненной славы (это время печатания его итогового гениального произведения «Братья Карамазовы» и возрастающей популярности за рубежом). Речь его действительно по глубине содержания (и в то же время по политическому накалу), по оригинальности подхода к пушкинским образам, по ораторскому мастерству и, конечно же, по эмоциональному воздействию оказалась главным событием торжеств, начавшихся после открытия памятника. Это признали и сторонники, и противники взглядов писателя.

О самом памятнике Достоевский даже не упомянул (возможно, потому, что текст был подготовлен в Петербурге до того, когда у писателя могло сложиться впечатление о скульптурном воплощении образа Пушкина). Достоевский говорил о понимании Пушкиным России, о постижении русского человека через Пушкина, о месте Пушкина в русской и мировой литературе и,

конечно, о своем восприятии Пушкина. В речи его, пожалуй, еще в большей мере, чем у Тургенева, отражена тема «Пушкин и современность». Речь эта оказалась последним столь широкого общественного резонанса публичным выступлением великого писателя. Потому ее называют и «лебединой песней», и «завещанием» Достоевского. Во всем мире и поныне обращаются к ней при изучении творчества и Пушкина, и Достоевского.

Достоевский как бы подводил итоги своим раздумьям, так как не раз до этого обращался к творчеству Пушкина, к его образу мышления. В «Дневнике писателя» в 1876 г. он убежденно повторил суждение: «У нас все ведь от Пушкина», акцентируя внимание на «повороте к народу», беспрецедентном и удивительном в столь раннюю пору творческой деятельности Пушкина.

И в то же время его речь – это мысли о России в современном мире и о ее будущем. Начал писатель так: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление Русского духа, сказал Гоголь. Прибавляю от себя: и пророческое». Далее он развивает эту мысль, соответственно обосновывая периодизацию творчества Пушкина и высказывая соображения в плане трактовки пушкинских литературных героев, особенно Татьяны в «Евгении Онегине», которая и «русская женщина вообще», и воплощение «высшей гармонии духа». Открытием Пушкина явилось изображение «типа несчастного скитальца в родной земле» (Алеко в «Цыганах», Онегин). Это совершенно русский характер, но ему свойственны «мировые идеалы». Он ищет «всемирного счастья» в современных условиях в идеях социализма, в революционной деятельности. Достоевский видит у Пушкина указание на пути решения «проклятых вопросов». «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудишься на родной ниве», правда в тебе самом. Это – решение по народному разуму. Апофеозом такого смирения представлена Татьяна. «Никогда еще, – утверждал Достоевский, – ни один русский писатель, ни прежде, ни после него, не соединялся так душевно и родственно с народом своим, как Пушкин». В последний период творчества Пушкина «засияли идеи всемирные, отразились поэтические образы других народов и воплотились их гении». По убеждению Достоевского, никто из великих гениев мировой литературы «не обладал такой способностью всемирной отзывчивости», проникновения в дух, своеобразии культуры других народов Запада и Востока, как Пушкин. И в этом его «национальная русская сила», его народность, причем «народ-

ность в дальнейшем своем развитии», ибо «сила духа русской народности» – в стремлении ее «ко всемирности и всечеловечности», в братском («не мечом») стремлении «к воссоединению людей».

«Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, “всечеловека”, если хотите». Такова и «великая, общая гармония братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!». Сам Достоевский сказал о том, что слова его могут казаться «восторженными, преувеличенными, фантастическими», но им «надлежало быть высказанными», и именно «в минуту чествования нашего гения, эту именно идею в художественной силе своей воплощавшего». Завершил Достоевский свое страстное слово так: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем». Это слово и о Пушкине, и о России, о ее прошлом и будущем.

Достоевского, внешне казавшегося нездоровым, встретили рукоплесканиями, долго не давали говорить и прерывали, по его словам, «решительно на каждой странице, а иногда и на каждой фразе громом рукоплесканий». Он сам отмечал, что «читал громко, с огнем». После окончания чтения, писал он, «зала была как в истерике ... я не скажу ... про рев, про вопль восторга: люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга и клялись друг другу быть лучшими, не ненавидеть друг друга, а любить», «петербургские успехи мои ничто, нуль сравнительно с этим!». Полчаса не отпустили с эстрады: «гранд-дамы, студентки, государственные секретари, студенты – все это обнимало и целовало меня».

И это подтверждается прессой тех дней. Писали, что Достоевский производил впечатление «средневекового аскета-проповедника», фанатика, что «у экзальтированного собрания не хватало средств, чтобы выразить свой восторг, и оно просто металось по зале», «он победил, растрогал, увлек, примирил». Люди рыдали, даже падали в обморок. Писателя отвели в боковую комнату, чтобы избежать столпотворения. Г.И. Успенский, позднее резко отозвавшийся о направленности этой речи, под непосредственным впечатлением писал: «Он “смирнехонько” взошел на кафедру, и не прошло и пяти минут, как у него во власти были все сердца, все мысли, вся душа всякого, без различия, присутствовавшего на собрании. Говорил он просто, совершенно так, как бы разговаривал с знакомыми людьми. ... Достоевскому поднесли лавровый венок, который он позднее отвез к памятнику Пушкину».

Когда немного успокоились, выступил с чтением стихотворения «Памятник Пушкину» Алексей Николаевич Плещеев, поэт, переводчик, любимый и в Москве, и Петербурге. Плещеев, как и Достоевский, был осужден к смертной казни, замененной в последний момент каторгой за участие в петербургском революционно настроенном кружке М.В. Петрашевского (кстати, окончившего, как и Пушкин, Лицей). Именно Плещеев послал Достоевскому из Москвы в 1849 г. копию письма В.Г. Белинского Н.В. Гоголю, а его стихотворение «Вперед! Без страха и сомненья...» было программным для петрашевцев. Плещеев прочитал трогательное стихотворение, полное чувства преклонения перед Пушкиным и свидетельствовавшее о верности автора идеалам молодых лет. Там были такие строки:

Все лучшие порывы посвятить
Отчизне ты зовешь нас из могилы;
В продажный век, век лжи и грубой силы
Зовешь добру и истине служить.

Вот почему неизгладимый след
Тобой оставлен в памяти народной;
Вот почему, возлюбленный поэт,
Так дорог нам твой образ благородный!

Это прочувственное стихотворение с привычными образами и оценками оказалось особенно уместным, успокоительным после вызвавшей экзальтацию зала речи Достоевского. По требованию присутствовавших поэт прочел свое произведение вторично.

И.С. Аксаков, который должен был выступить следующим, произнес: «Я не могу говорить после речи Федора Михайловича Достоевского. Все, что я написал, есть только слабая вариация на некоторые темы этой гениальной речи», и охарактеризовал ее как «событие в нашей литературе», заметив, что если еще вчера могло казаться вопросом, «народный» ли, «национальный» ли поэт Пушкин, то теперь вопрос решен окончательно после «пророческих слов» Достоевского, и «собравшиеся здесь, какого образа мысли и какого бы направления они ни были ... все должны единодушно призвать Пушкина национальным поэтом». Так как Аксаков собирался говорить на тему, «отработанную Достоевским», то он выразил намерение ознакомить публику только с частью заготовленной речи. Публика же настоятельно требовала всей речи, что и было сделано.

Прежде всего Аксаков напомнил строки стихотворения 1837 г. «одного из лучших наших поэтов» Ф.И. Тютчева (биографию которого он составил): «Тебя, как первую любовь, / России сердце не забудет...», полагая, что формула эта – «верно схваченная, историческая черта отношений к Пушкину русского общества». Идеолог славянофильства уделил основное внимание «народности пушкинской поэзии», ее языка, «доведенного до изумительного совершенства», его образов (особенно няни – первом в русской литературе многогранном и уважительном изображении женщины из среды простонародья), его ощущению природы («никто до Пушкина не воспроизводил ни в стихах, ни в прозе нашей простой сельской природы с такою простотою истины и с такою теплотою сочувствия»), изображению «явлений русской бытовой жизни», ощущению современности «в исторической рамке, в пределах живой продолжающейся истории». Пушкин, по его словам, и «всемирный художник, и русский народный поэт». Закончил он, солидаризируясь с Достоевским, призывом «сподобиться наконец русской интеллигенции стать действительным высшим выражением русского народного духа и его всемирно-исторического призвания в человечестве!»

П.В. Анненков, развивая мысль Белинского о том, что впоследствии прибавятся новые черты в понимании Пушкина и влияние его на умы будет возрастать, подробнее обосновал тезис, что Пушкин был не только великим поэтом, но и высоконравственным человеком. Он высказал соображение о том, что мешало Пушкину продолжить историографическое служение России Карамзина и напечатать «Историю Петра Великого»: не обилие материала или недостаточность специальной ученой подготовки, а все более уяснявшееся представление о том, что преобразования гениального реформатора были страшной бурей, сметавшей на пути все, и совершались с помощью крутых и нравственно оскорбительных мер. И Пушкин был уже не в силах после «Медного всадника» создать апологетический труд о пращуре Николая I, как того требовал его царствующий правнук (такие положения развиты Анненковым и в статье «Общественные идеалы Пушкина» в журнале «Вестник Европы»).

С этим выступлением смыкаются по подходу к теме следующие речи ученых, но их серьезные и во многом оригинальные, ценные для науки суждения уже едва воспринимались так называемой широкой публикой. О таланте Пушкина как историка, особенно проявившемся и на профессиональном уровне в

«Истории Пугачевского бунта», говорил профессор Н.В. Калачов (знаменитый историк, избранный позднее академиком, видный участник подготовки реформ 1860-х годов; он возглавлял Московский архив Министерства юстиции и был инициатором образования губернских ученых архивных комиссий). П.И. Бартенев, редактор журнала «Русский архив» и едва ли не первый в те годы знаток документации о высшем обществе Пушкинской эпохи, постарался указать «те исторические явления, при которых возшло и сияло солнце русской поэзии». Он отмечал, что «великие писатели возникают обыкновенно во время возбуждения государственных сил».

«Главной струной в душе Пушкина всегда и до конца было чувство свободы, живая потребность независимости любой, народной и государственной». Отмечалось влияние «Истории» Карамзина, которая открыла Пушкину неиссякаемые источники своенародных вдохновений. «Имя Карамзина должно быть с благоговейной признательностью помянуто на Пушкинском празднике. Своим умиряющим влиянием он спас Пушкина от тесного заточения; своими наставлениями он указал на внутреннее совершенствование». Бартенев подчеркивает значение для творчества поэта годов ссылки в Михайловское, когда тот приобщился к мудрости Священного Писания и к «прелести простонародной речи». Далее он характеризовал взаимоотношения Пушкина и Николая I, явно переоценивая положительное в них, даже благодарил царя от лица потомков, тем закладывая основы подобного же преувеличения в литературе последующих лет.

В заключение на кафедре вошел А.А. Потехин, известный тогда драматург и прозаик-бытописатель, проживавший в Петербурге. Указав на великое значение для литературы воздвигнутого Пушкину памятника, он отметил, что пушкинское творчество обычно признают синтезом мысли и чувства и воплощением русского самосознания. Продолжателем его, сосредоточившим творческие усилия на анализе явлений российской действительности, был Гоголь. Потехин предложил, чтобы дни всенародного чествования памяти Пушкина стали бы и началом всенародной подписки на памятник Гоголю: «да будет Москва пантеоном русской литературы, да воздвигнется памятник Гоголю в центре России, в Москве!» После поддержавших это предложение аплодисментов Потехин заявил, что выступает от имени всех собравшихся здесь литераторов. И когда публика стала расходиться, в боковых залах были положены листы для

подписки на памятник Гоголю. В течение нескольких минут они покрылись подписями.

Вслед за тем состоялся литературно-музыкальный концерт с той же программой, что и предыдущий, но с добавлениями: И.В. Самарин прочел «Сказку о рыбаке и рыбке», а знаменитый чтец (а также и историк русского театра) И.Ф. Горбунов исполнил сцену в корчме из «Бориса Годунова». Тургеневу на вечере поднесли такой же венок, как Достоевскому утром.

В двух залах здания Дворянского собрания была развернута подготовленная Л.И. Поливановым и его помощниками выставка, организованная ОЛРС. Она обогащала представления о Пушкине, о его родных, писателях-современниках, о России пушкинской эпохи, о распространении сочинений Пушкина и иллюстрациях к ним. Становилось очевидно, что скульптор Опекушин, вглядываясь в изображение Пушкина, в наибольшей степени пользовался портретом работы Кипренского и посмертно снятой маской. Альбом Пушкинской выставки был издан в 1882 г. Издание это, частично репринтно, воспроизведено в 1997 г.

Не только о Пушкинском празднике, но и о памятнике Пушкину писали и «с неевского берега» (так озаглавил свое стихотворение популярный поэт некрасовской школы, мастер каламбуров и переводчик Д.Д. Минаев), и в других городах. Любопытно стихотворение «На памятник Пушкину» графа В.А. Соллогуба, прозаика (автора популярной с середины 1840-х годов повести «Гарантас», действие которой начинается в Москве, на той самой Собачьей площадке, где у Соболевского проживал Пушкин), мемуариста, близкого знакомого Пушкина в последние годы его жизни, даже приглашенного быть секундантом на несостоявшейся его дуэли с Дантесом в ноябре 1836 г.:

В столице, Пушкину любезной,
В Москве, в виду монастыря,
Поднялся ныне лик железный
Родного нам богатыря.
То Пушкин, наш поэт великий,
Задумчиво явился нам
И утешеньем и уликой
Наставшим смутным временам.
Теперь, когда стремлений злоба
Не знает, где искать добра –
Проснись, поэзия! Пора,
Чтоб Пушкин выступил из гроба!

Очень скоро после Пушкинского праздника издали книги, рассказывающие об этом событии. 1880 годом датирована напечатанная в Петербурге книга Ф. Б. в 354 страницы «Венок на памятник Пушкину». На титульном листе раскрыто в виде оглавления-аннотации содержание книги: «Пушкинские дни в Москве, Петербурге и провинции». Там по дням описано, что происходило в Москве 5–8 июня, в Петербурге 6 июня, панихида на могиле поэта 26 мая, чествования в Киеве, Одессе, Варшаве, Риге, Туле, Самаре, в селе Балаково, в Пскове, Царском Селе, Кишиневе, Орле, Тифлисе, приведены подробные сведения о напечатанном в газетах и журналах, об открытии памятника и об итогах Пушкинского празднества. Вот подзаголовки книги: «Адреса, телеграммы, приветствия, речи, чтения и стихи по поводу открытия памятника Пушкину» (некоторые приведены полностью); «Отзывы печати о значении Пушкинского торжества»; «Пушкинская выставка в Москве»; «Новые данные о Пушкине» (перепечатки из новейших изданий стихотворения «Моя родословная» по автографу, отрывков из «Дневника» Пушкина, воспоминаний о Пушкине). Здесь же помещен доклад Я.К. Грота «Исторический очерк сооружения памятника Пушкину». Ф. Б. – это Федор Ильич Булгаков, журналист, историк литературы и искусства, переводчик, инициатор начинаний, важных для просвещения широкой публики.

В 1885 г. знаменитый библиограф В.И. Межов издал (тоже в Петербурге) отдельной книгой библиографический указатель «Открытие памятника А.С. Пушкину в Москве в 1880 году: сочинения и статьи, написанные по поводу этого торжества». Ознакомление даже только с двумя этими книгами убеждает в том, что ни прежде, ни позднее не было в дореволюционные годы праздника культуры, вызвавшего столь широкий интерес всей России, и Москва не становилась столь значительным средоточием культурных сил страны.

Средства массовой информации (в ту пору это только газеты и журналы) отмечали многословие и бессодержательность некоторых речей, излишек аплодисментов и поцелуев и, конечно же, с особым пристрастием – элементы противостояния. Это было воспринято как основная тональность теми, кто не присутствовал на торжествах, и даже нашло отражение в написанных много позднее мемуарах, как, к примеру, в воспоминаниях крупнейшего историка и политического деятеля П.Н. Милюкова. Он пишет об этом событии его студенческих лет: «Я был в эти дни в Пушкине (т. е. под Москвой. – С. Ш.) и намеренно не поехал на празднество. Я знал

по “Дневнику писателя”, что может сказать о Пушкине Достоевский (за исключением “всечеловечности” Пушкина), и не хотел присутствовать при его вероятном торжестве над Тургеневым»¹³.

А вот что писал сразу же после пушкинских дней в Москве живописец В.Д. Поленов, более стремившийся к приобщению к Пушкину, чем к наблюдениям над эффектами сиюминутных «партийных» столкновений, в письме сестре в Петербург. Он сообщает, что был «и на открытии монумента, и на обеде, и на заседаниях... Праздник был такой возвышенный, примирительный и вместе глубоко гражданский, что нельзя было не порадоваться»¹⁴.

Праздник 1880 г. в известной мере определил и характер последующих больших торжеств в дни пушкинских юбилеев – в 1887, 1899, 1937 годах¹⁵. (Юбилей 1924 г., в период навязывания вульгарных социологических воззрений, отмечался слабо.) И всякий раз это стимулировало развитие пушкиноведения, издание сочинений Пушкина, исследования его творчества и биографии, его окружения, «пушкинской эпохи», истории самого пушкиноведения. Это способствовало распространению представлений (или, точнее сказать, сведений) о Пушкине и его сочинениях среди широкой публики, в детской аудитории. Но это использовалось в своих целях и общественно-политическими силами, так как Пушкин – знаковая фигура, символ понятий о русской культуре, русском духе, о России вообще, и многообразное наследие Пушкина стараются приспособить для нужд современной идеологии. В 1937 г. это приняло и международный характер, ибо Пушкин был объявлен «своим» и идеологами партийно-советского государства, и различными группировками российской эмиграции. Но основную массу тех, кто говорит по-русски, кому снятся сны на русском языке, Пушкин объединяет, поскольку творчество его, слово и образ – в корневой культуре нашей и останутся как драгоценное наследие нашим потомкам.

И, конечно, Пушкин объединяет по-настоящему крупных писателей, ибо, как заметила именно в этой связи Марина Цветаева в статье «Поэт и время» (1932), рассуждая о том, что «Пушкин и Маяковский ... по существу, и не расходились»: «Враждуют низы, горы сходятся»; «Под небом места много всем – это лучше всего знают горы».

Опекушинский памятник Пушкину в представлении многих стал воплощением образа Пушкина, да и образа Москвы. Конечно, Москва – прежде всего Кремль, но и Пушкин – тоже во-

площение Москвы, как Медный всадник – воплощение и образа Петра Великого, и Петербурга. Такое ощущение возникало и у приезжих, и у москвичей. Это одно из сильнейших впечатлений детства жившей вблизи Марины Цветаевой, дочери профессора университета, инициатора создания и устроителя Музея изящных искусств, ныне Музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.

Пожелания выступавших в июне 1880 г. сбываются. К памятнику Пушкину обращаются и великие (и такие разные) поэты советской эпохи: Владимир Маяковский (в конце стихотворения 1924 г. «Юбилейное» – такая строчка: «На Тверском бульваре очень к вам привыкли») и Сергей Есенин (тоже в 1924 г.). Стихи Есенина, которому ныне тоже установлен памятник на Тверском бульваре, сейчас звучат провидчески:

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с тобой.

...

А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь,
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

В военные годы поэты приходили к памятнику Пушкину. У памятника радовались, возвратившись с кровавых полей войны. Сколько стихотворений, посвященных памятнику Пушкину в послевоенные годы, и на скольких языках!¹⁶ А для оказавшихся в зарубежье россиян не только Пушкин, но и его знаменитый и любимый с детства московский памятник оставался символом России, русской культуры. М. Цветаева вспоминала детское восприятие «Памятника-Пушкина»: «Мне нравилось, что уходим мы или приходим, а он всегда стоит. ... Наших богов иногда, хоть редко, но переставляли. Наших богов, под Рождество и под Пасху, тряпкой обмахивали. Этого же мыли дожди и сушили ветра. Этот – всегда стоял».

Но памятник переставили. В Москве, едва ли не единственной из столиц, где в середине XX столетия порушили столько исторической ценности зданий, накапливался опыт разрушения и перестановки скульптурных монументов: подтащили из центра Красной площади к храму Василия Блаженного старейший в Москве памятник Минину и Пожарскому (мешал демонстрациям), а в ночь с 13 на 14 августа 1950 г. передвинули памятник Пушкину¹⁷. Об этом с грустью, как о «похоронах времени», тогда же написал стихи известный поэт и стиховед поколения Маяковского Георгий Шенгели (среди его драматических поэм 1920-х годов – «Пушкин в Кремле»).

Москвичи с памятником Пушкину знакомились «в том возрасте, когда гораздо слаще слушать чтение, чем читать самому». И как мудро заметил написавший это поэт Александр Твардовский, размышляя об освоении нами Пушкина: «Кто не обязан ему радостью приобщения на самой заре жизни к источнику, из которого потом пить всю жизнь! Но если Пушкин приходит к нам с детства, то мы по-настоящему приходим к нему лишь с годами». Почти то же сказал и другой благородный поэт – Булат Окуджава, и такое сходство суждений, конечно, неслучайно. Ибо по-прежнему через Пушкина «умнеет все, что может поумнеть».

¹ *Ключевский В.О.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1990. Т. 9. С. 85.

² *Зайцев А.Д.* Петр Иванович Бартенева. М., 1989. С. 98 (концовка третьей главы, имеющей заголовок «Старейший из русских пушкиноведов»).

³ России сердце не забудет. Русские писатели А.С. Пушкину. М., 1986. С. 132.

⁴ *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1928–1958. Т. 5. С. 271–272.

⁵ Венюк на памятник Пушкину. СПб., 1880. С. 199–200.

⁶ Подробнее см.: *Эйдельман Н.Я.* Десять автографов Пушкина из архива П.И. Миллера // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. М., 1972. Вып. 33. С. 280 и сл.

⁷ Об А.М. Опекушине и памятнике Пушкину его работы см.: *Суслов М.И.* Памятник Пушкину в Москве. М., 1968; *Шмидт И.М.* Александр Михайлович Опекушин // Русское искусство. М., 1971. Т. II; *Он же.* А.М. Опекушин. Жизнь и творчество. Ярославль, 1968; *Крейн А.З.* Рукотворный памятник. М., 1980.

⁸ Подробнее см.: *Шмидт С.О.* Арбат в истории и культуре России // Арбатский архив. М., 1997. Вып. 1. С. 105–106.

⁹ Подробнее в кн.: *Левитт Маркус Ч.* Литература и политика. Пушкинский праздник 1880 года. СПб., 1994 (пер. с англ.). С. 130 и сл.

¹⁰ *Толстой Л.Н.* Указ. соч. Т. 78. С. 105.

¹¹ Подробнее в кн.: *Левитт Маркус Ч.* Указ. соч. Гл. 4 («Последняя трибуна Тургенева»).

¹² *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1960–1968. Т. 12. С. 236.

¹³ *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 82.

¹⁴ *Шмидт С.О.* Указ. соч. С. 103.

¹⁵ Истории восприятия Пушкина в русской культуре, в частности юбилеям Пушкина, посвящена книга Е.И. Высочиной «Образ, бережно хранимый: жизнь Пушкина в памяти поколений», подготовленная как «Книга для учителя» издательством «Просвещение» в 1989 г.

¹⁶ См.: России сердце не забудет. Русские писатели А.С. Пушкину; *Крейн А.Э.* Указ. соч. С. 103 и сл.

¹⁷ См. об этом статью: *Приходько В.* «Вот взяли, Пушкин, Вас и переставили» // Газета «Центральный округ», совместное издание Правительства Москвы и газеты «Московская правда». 1998. № 1 (88). Февр.